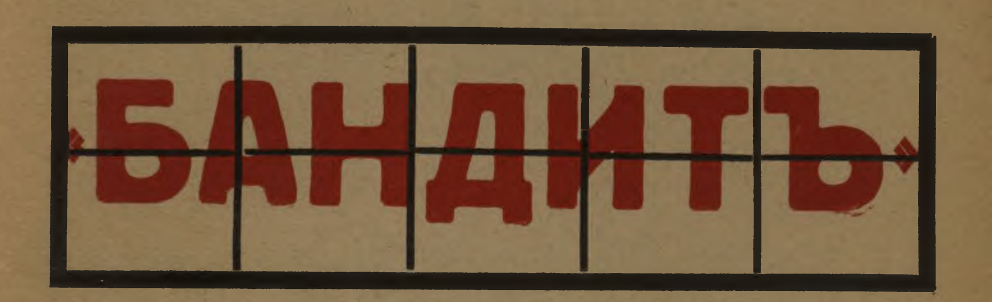
Л. ДЖУНКОВСКІЙ

РОМАНЪ

Л. ДЖУНКОВСКІЙ

«БАНДИТЪ»

РОМАНЪ

ПАРИЖЪ

Игорь вышелъ на улицу въ прекрасномъ расположеніи духа. По приказанію Мери онъ сегодня сбрилъ усы, то-есть, собственно говоря, даже не усы, а ихъ подобіе въ видѣ двухъ узенькихъ полосокъ подъ самымъ носомъ, и, посмотрѣвъ въ зеркало, нашелъ, что такъ онъ выглядитъ интереснѣе и будто мужественнѣе, почему и надѣялся, что сегодня же добьется отъ нея окончательнаго отвѣта.

Игорь Владиміровичъ Юрьевъ, продѣлавъ юношей, не безъ героизма, всю великую войну, послѣ революціи случайно попалъ въ Чикаго, гдѣ, благодаря прекрасному знанію языковъ, устроился въ одномъ крупномъ американскомъ домѣ. Былъ онъ на хорошемъ счету, быстро продвигался по службѣ и получалъ очень солидное содержаніе. Отзывчивый, хорошо воспитанный, онъ пользовался общимъ расположеніемъ и жилъ спокойно и мирно, пылая нѣжной страстью къ Мери, молоденькой дочери богатой русской эмигрантки Прасковьи Павловны Корчагиной, женщины рыхлой и чувствительной, что, однако, не мѣшало ей превосходно вести свои денежныя дѣла и очень удачно играть на биржѣ, страдая при паденіи бумагъ мигренью; и отдышкой, когда цѣны крѣпли, почему ея племянникъ, всеобщій любимецъ, Миша говорилъ: «если на Парасковью мигрень — на биржѣ паника», а денегъ взаймы у тетушки не проси.

Прежде чѣмъ отправиться на службу, Игорь рѣ-

шилъ зайти въ оружейнный магазинъ, гдѣ былъ тиръ, поупражняться въ стрѣльбѣ, такъ какъ въ этомъ искусствѣ онъ достигъ совершенства. Однако, когда онъ проходилъ мимо стоявшаго около тротуара автомобиля съ открытой дверцей, какой то прохожій слегка подтолкнулъ его къ ней, а другіе, подхвативъ его подъ руки, ловко втиснули внутрь. Дверца захлопнулась и Игорь очутился въ обществѣ трехъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ крѣпко держалъ его за руки, а два, сидящіе напротивъ, направили на него свои револьверы.

— Попался дьяволъ, произнесъ хриплый голосъ, Сиди смирно не то... Завяжите ему глаза.

Машина рванула и быстро помчалась впередъ.

Игорь былъ въ полномъ недоумѣніи. День обѣщалъ быть пріятнымъ и вдругъ, какое-то глупое недоразумѣніе.

— Послушайте, за что вы меня арестовали, я не совершилъ никакого преступленія. Вы, очевидно, приняли меня за кого то другого.

— Не валяй дурака, думаешь сбрилъ усы, такъ мы тебя и не узнаемъ; не на такихъ напалъ братъ.

— Что же вамъ отъ меня нужно!

— Не виляй собака; развѣ не ты, чертовъ шпикъ, посадилъ Крысу на электрическій стулъ, а чернаго Тома и Джими изъ Орегона не черезъ тебя сцапали, проклятая ищейка!

Такъ вотъ въ чемъ дѣло; это не полиція: это, очевидно, бандиты, такъ какъ кто же иной въ Чикаго можетъ похищать людей среди бѣла дня на оживленной улицѣ.

— Послушайте; вы — бандиты?

Въ отвѣтъ послышался дружный хохотъ.

— Вы бандиты, продолжалъ Игорь, и принимаете меня за сыщика. Но вы ошиблись. Я русскій эмигарнтъ, ничего общаго съ полиціей не имѣю и служу въ конто-

рѣ Смита и К-о, никакихъ вашихъ Крысъ, ни Тома я не видѣлъ и не знаю. Умнѣе всего отпустить меня сейчасъ же.

— Не плети чепухи; не проведешь, сказалъ другой насмѣшливый голосъ, и кто то связалъ ему руки и сталъ обыскивать.

Повязка жала глаза, какой-то узелъ давилъ носъ, но, при малѣйшей попыткѣ пошевелиться, онъ чувствовалъ у своего виска холодъ дула и тотъ же хриплый голосъ обѣщалъ размозжить ему голову. Прошло болѣе получаса, пока, наконецъ, машина сбавила ходъ и, прошуршавъ шинами по гравію, остановилась. Игоря высадили изъ кареты и, взявъ подъ руки, повели по какимъ то лѣстницамъ и переходамъ куда то внизъ; затѣмъ остановились, выпустили его руки и приказали стоять смирно и не шевелиться.

— Ну вотъ вамъ, директоръ, и Акула, услышалъ опять онъ знакомый голосъ.

— Молодцы, дѣточки, молодцы. Вотъ мы сейчасъ побесѣдуемъ съ нимъ, а потомъ и расчитаемся. Сымите съ него повязку.

Игорь увидѣлъ, что онъ находится въ какомъ то полутемномъ сыромъ подвалѣ. Сквозь единственное расположенное высоко окно съ массивной желѣзной рѣшеткой скупо проникалъ свѣтъ. Передъ нимъ стоялъ коренастый толстякъ съ большимъ плотояднымъ ртомъ, съ водянистыми точно выцвѣвшими глазами, выкатившимися впередъ, какъ у жабы, съ крошечнымъ носомъ между двухъ мясистыхъ щекъ. Онъ насмѣшливо смотрѣлъ на плѣнника и довольно улыбался.

— Поймали таки рыбку мои молодцы. А? Чисто сработано господинъ Акула! А? Что же вы молчите. Подождите, вы у насъ заговорите. Мы и не такимъ какъ вы развязывали языкъ.

Игорь былъ не трусъ. Не разъ приходилось ему

смотрѣть въ глаза смерти: бывалъ онъ и подъ ураганнымъ обстрѣломъ; ставили его къ стѣнкѣ и большевики, но, тамъ была борьба за что-то дорогое, а здѣсь! Пытки и гибель изъ-за какого то глупаго недоразумѣнія. Сердце его тоскливо сжалось и холодная дрожь пробѣжала по тѣлу, а въ груди закипалъ гнѣвъ на жестокихъ насильниковъ.

— Кто вы и что вы отъ меня хотите, негодяи, вспылилъ онъ.

— А, такъ ты такъ, зашипѣлъ толстякъ и сталъ приближаться къ своей жертвѣ тихо, точно подкрадываясь, готовый каждую минуту броситься на него, чтобы насладиться местью. Глаза его холодные и злые впились въ глаза Игоря, казалось, сама смерть жадно подкрадывалась къ нему. Одинъ только шагъ отдѣлялъ ихъ и вдругъ тотъ какъ бы въ удивленіи остановился, затѣмъ отступилъ назадъ, постоялъ еще немного противъ Игоря, пристально вглядываясь въ него, а затѣмъ, презрительно пожавъ плечами, обернулся къ своимъ сообщникамъ:

— Чертъ! Кого вы притащили, простофили? насмѣшливо спросилъ онъ.

— Какъ кого? Акулу!

— Акулу! Онъ уничтожающе посмотрѣлъ на нихъ. — Акулу! Смотрите сюда, онъ ткнулъ пальцемъ въ глазъ Игоря и чуть не выкололъ его. — Смотрите на его глаза, вороны, какого они цвѣта, а?

— Глаза... глаза сѣрые.

— Да, у этого болвана сѣрые, а у Акулы — каріе, остолопы! — Ты кто такой, обратился онъ къ Игорю.

— Я уже сто разъ говорилъ вамъ, что я русскій эмигрантъ и служу у Смита и К-о. Не знаю ни васъ, ни полиціи и не понимаю, что вамъ отъ меня нужно.

— Вотъ глупая исторія. Теперь, что мнѣ съ нимъ

дѣлать, продолжалъ толстякъ, тогда какъ другіе сконфуженно переглядывались.

— Какъ что, скорѣе отпустить, вотъ и все, вскричалъ Игорь.

— Хо, хо, хо. Это не такъ просто, молодчикъ. Ты ужъ очень много видѣлъ и слышалъ.

Прикончить просто его и дѣло съ концомъ, мрачно произнесъ одинъ изъ бандитовъ.

— Ничего я не видѣлъ и не слышалъ, ничего не знаю и ничего никому говорить не буду. Зачѣмъ вамъ брать на себя лишнее ненужное убійство. Отпустите меня, ну, хотя бы, за небольшой выкупъ.

На нѣсколько томительныхъ и тяжелыхъ минутъ водворилось молчаніе. Начальникъ что-то обдумывалъ.

— Ну вотъ что, обратился онъ къ Игорю, мы тебя отпустили, но не даромъ. — Ты служишь у Смита и К-о, хорошо. Такъ вотъ, когда намъ понадобится, ты долженъ будешь давать намъ разныя справки о состояніи кассы, о самомъ главѣ фирмы, ну, вообще, обо всемъ, что будетъ насъ интересовать. Я не спрашиваю тебя, согласенъ ты или нѣтъ, такъ какъ, если ты будешь болтать или посмѣешь не исполнять нашихъ приказаній, расправа будетъ коротка; однако знай, что мы умѣемъ не только наказывать, но и щедро награждать. Ну а теперь забирайте его и отвезите въ городъ.

— Не перемѣнить ли машину, что-то къ нашей очень приглядываются, кажется ее взяли на примѣту.

— Отдайте ее, когда вернетесь, въ перекраску. Ну забирайте его и проваливайте.

Игорю опять завязали глаза, опять повели по лѣстницамъ и посадили въ автомобиль. Только въѣхавъ въ городъ сняли наконецъ повязку.

— Ну, парень, смотри, не дури; можетъ быть потомъ мы примемъ тебя къ себѣ, примирительно сказалъ самый молодой изъ бандитовъ.

— Не кажется ли тебѣ, Джекъ, обратился къ нему другой, что эта мотоциклетка слѣдитъ за нами, вотъ уже два квартала, какъ она слѣдуетъ по пятамъ.

— А ты скажи Куку.

Бандитъ нагнулся къ шофферу и что-то зашепталъ ему. Машина помчалась впередъ, завернула на полномъ ходу въ одну улицу въ другую пересѣкла площадь, круто повернулась и понеслась въ обратномъ направленіи. Мотоциклетки не было видно.

— Ловко правитъ Кукъ, одобрилъ Джекъ.

Вдругъ, изъ-за угла неожиданно появился бронерованный автомобиль и далъ бандитамъ сигналъ остановится. Кукъ нажалъ на газъ, машину рвануло, а ей вслѣдъ затрещалъ пулеметъ. Весь верхъ былъ пронизанъ пулями, но только одна легко ранила одного изъ бандитовъ въ руку. Слишкомъ высоко былъ взятъ прицѣлъ

— Бросьте револьверы и доставайте изъ подъ сидѣнья карабины, закричалъ хрипло Джекъ, а ты перевяжи ему руку, обратился онъ къ Игорю.

Игорь понималъ, что еще одинъ такой залпъ, но чуть пониже и ихъ общая гибель неизбѣжна, выстрѣлы же бандитовъ не могли причинить противнику никакого вреда, такъ какъ все, даже колеса, было защищено броней. Только благодаря увертливости Кука, дѣлавшаго головоломные виражи, болѣе сильная полицейская машина еще не догнала ихъ.

— Дайте мнѣ карабинъ, сказалъ Игорь перевязавъ раненаго.

— Тебѣ карабинъ, ишь, что выдумалъ, проворчалъ Джекъ, ты еще мнѣ всадишь пулю въ лобъ.

— Дайте мнѣ карабинъ и я остановлю ихъ машину, а если бы я хотѣлъ пристрѣлить тебя, то поднялъ бы одинъ изъ брошенныхъ вами револьверовъ.

— Да какъ же ты сможешь остановить ихъ?

— Давай скорѣе, вотъ они уже нагоняютъ, еще минута и будетъ поздно. Въ голосѣ Игоря было столько энергіи, что Джекъ не сопротивлялся, когда онъ почти вырвалъ изъ его рукъ карабинъ. Раздался выстрѣлъ и мѣткая пуля, найдя уязвимое мѣсто насквозь пробила шину у преслѣдователей; ихъ автомобиль припалъ на одну сторону и врѣзался въ тротуаръ. Еще нѣсколько поворотовъ и Кукъ, умѣряя ходъ машины, спокойно покатилъ по оживленнымъ улицамъ. Удивленію, восторгу и признательности бандитовъ не было границъ. Они прекрасно понимали, что только благодаря Игорю они спаслись отъ вѣрной смерти.

— Ну и молодчина же ты, дружески хлопалъ его по плечу Джекъ; переходи-ка, миляга, къ намъ, такіе парнишки намъ нужны.

— Русь, русски ошень карошъ, нѣжно скалилъ зубы другой.

Даже Кукъ со своего передняго шофферскаго сидѣнья привѣтливо махалъ ему рукой и радостно улыбался. Бандиты доставили Игоря до его квартиры и дружески распрощались съ нимъ, махая въ знакъ привѣта руками, Джекъ шляпой, а раненый своимъ платкомъ со слѣдами крови.

Получивъ свободу, Игорь быстро направился къ себѣ, не замѣчая, что, стоявшій на противоположной сторонѣ улицы, незнакомый ему человѣкъ, проводивъ пристальнымъ взглядомъ удалявшійся автомобиль, перешелъ улицу и послѣдовалъ за нимъ.

Уже вечерѣло, когда Игорь, запершись въ своей комнатѣ, погрузился въ невеселыя думы. Онъ прекрасно зналъ силу бандитовъ и чувствовалъ теперь себя невольно связаннымъ съ ними. Не исполнять ихъ приказаній, обратиться къ полиціи, но развѣ сможетъ она защитить его. А Мери, что подумала она, когда онъ не пришелъ въ назначенный часъ, часъ, который долженъ

былъ рѣшить ихъ судьбу. Да и смѣетъ ли онъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ думать о ней. Тяжелыя думы угнетали его и онъ терялся не зная, что предпринять. Только благодаря сильной усталости отъ всего пережитаго онъ наконецъ забылся тревожнымъ сномъ. Однако, сонъ его не былъ продолжительнымъ. Сильный стукъ заставилъ его вскочить съ кровати и, когда онъ открылъ дверь, то опять увидѣлъ противъ себя эти маленькія черныя отверстія, изъ которыхъ вылетаетъ смерть, и повелительный голосъ произнесъ: «Руки вверхъ! Именемъ закона я васъ арестую». Щелкнули наручники и его подъ конвоемъ увели изъ комнаты. Остатокъ ночи Игорь провелъ въ грязной тѣсной камерѣ, и только утромъ его повели къ допросу.

— Васъ видѣли въ автомобилѣ бандитовъ, за которымъ гналась полиція. Затѣмъ въ немъ же васъ привезли домой, гдѣ вы дружески простились съ ними. Отвѣчайте, давно ли и въ какой связи вы состоите съ этой шайкой и вообще, что вы можете сказать въ свое оправданіе.

— Оправдываться мнѣ не въ чѣмъ. Я не бандитъ, а напротивъ былъ ими вчера утромъ похищенъ, такъ какъ они приняли меня за другое лицо и повезли къ своему начальнику. Когда ошибка выяснилась, меня рѣшили отвезти обратно. Въ дорогѣ, дѣйствительно, встрѣтился полицейскій автомобиль и открылъ стрѣльбу, причемъ ранилъ одного изъ бандитовъ въ руку и мнѣ приказали перевязать его. Затѣмъ бандитамъ удалось ускользнуть и они высадили меня у моей квартиры.

— Ну, а дружескія рукопожатія, маханія платками и шляпами. Неужели за столь короткое время у васъ могли возникнуть такія пріятельскія отношенія, да еще съ лицами совершившими, по вашимъ словамъ, надъ вами насиліе.

— Я уже вамъ сказалъ, что подалъ помощьране-

ному. Кромѣ того, я не оказывалъ имъ никакого сопротивленія, и они чувствовали себя виноватыми передо мной.

— Гдѣ живетъ ихъ начальникъ?

— Не знаю. Меня туда и обратно везли съ завязанными глазами и только незадолго до столкновенія съ полиціей сняли повязку.

— Малоправдоподобно. Знаете ли вы, за кого же васъ приняли.

— Да, въ это утро я сбрилъ усы и, къ сожалѣнію, сталъ похожъ на одного изъ агентовъ полиціи, по крайней мѣрѣ я такъ предполагаю.

— Почему?

— Потому, что они называли меня «проклятой ищейкой».

— Такъ-съ! А почему вы именно въ это утро сбрили усы?

Игорь покраснѣлъ какъ ракъ.

— Потому... потому, что мнѣ такъ вздумалось.

— Можете еще что-нибудь добавить?

— Нѣтъ... Впрочемъ могу. Этого агента они на своемъ жаргонѣ называли Акулой, а разницу между мной и имъ они нашли въ томъ, что у меня глаза сѣрые, а у него каріе.

— Больше ничего?

— Ничего.

— Подпишите ваше показаніе.

— Я свободенъ?

— Ну, не такъ скоро. Нужно провѣрить все вами сказанное, навести справки. Вообще ваши объясненія довольно слабы и маловѣроятны. Уведите арестанта!

Больше его не допрашивали, но освободили только черезъ недѣлю, «за неимѣніемъ уликъ», снявъ предварительно отпечатокъ большого пальца и фотографію и сдѣлавъ еще какія-то измѣренія.

Не успѣлъ онъ вернуться домой, какъ содержательница пансіона, въ которомъ онъ жилъ, попросила его возможно скорѣе освободить занимаемую имъ комнату, такъ какъ другіе жильцы очень встревожены появленіемъ въ ея, такомъ приличномъ, домѣ полиціи, обыскомъ, допросами и прочими ужасами, хотя лично она и дала о немъ благопріятный отзывъ.

— Знаете, если вы дѣйствительно принадлежите къ этому обществу, то я лучше согласна платить небольшую опредѣленную сумму, чтобы только не безпокоили меня и моихъ жильцовъ, добавила она съ заискивающей улыбкой.

Съ тяжелымъ сердцемъ отправился Игорь на службу. Какъ объяснитъ онъ свое долгое отсутствіе. Повѣрятъ ли его невѣроятной исторіи. Однако объяснять ему ничего не пришлось, такъ какъ его тотъ часъ же позвали къ директору.

— Вы, конечно, понимаете, холодно началъ тотъ, что послѣ всего происшедшаго, вашего ареста и прочихъ сказочныхъ, можно сказать, даже фантастическихъ приключеній, о которыхъ мы достаточно освѣдомлены, вы не можете продолжать у насъ службу. Въ кассѣ вы получите впередъ свое трехмѣсячное жалованіе. А затѣмъ, тонъ его сдѣлался любезнымъ, скажу вамъ вполнѣ конфиденціально, мы готовы уплачивать вашему обществу извѣстную сумму подъ условіемъ, чтобы насъ не тревожили. Нѣтъ, нѣтъ ничего не возражайте, до свиданія.

Игорь горько усмѣхнулся и вышелъ изъ кабинета. Хорошо хоть то, что теперь бандиты не могутъ требовать отъ него никакихъ свѣдѣній. Боже мой, что-то ждетъ его у Мери.

Въ роковой для Игоря день Мери проснулась и встала поздно, съ тревогой ожидая назначеннаго часа,

когда должно было произойти объясненіе съ Игоремъ. Что ей отвѣтить ему? Любить ли она его, или онъ только нравится ей, какъ старый близкій знакомый, почти другъ дѣтства.

Мери не была современной дѣвушкой. Все свое дѣтство до девяти лѣтъ, вплоть до бѣгства изъ Россіи, она провела въ имѣніи своихъ родителей. Она и сейчасъ помнитъ и старый барскій домъ съ прадѣдовской мебелью, и задумчивый чудный садъ съ лабиринтомъ тѣнистыхъ переплетающихся широкихъ аллей и чуть протоптанныхъ дорожекъ, съ тихой зеркальной гладью пруда обсаженнаго высокими тополями. Помнитъ и просторъ безконечныхъ полей, и зеленое море нивъ, и степь съ высокой душистой травой, гдѣ она набирала полныя руки простыхъ полевыхъ цвѣтовъ. Вспоминаетъ она и свою няню Ивановну, которая разсказывала ей такія страшныя и вмѣстѣ съ тѣмъ интересныя сказки, и кучера Родіона, который иногда снисходительно бралъ барышню на козла коляски и давалъ ей одну вожжу отъ правой пристяжной. Воспоминаніе чего-то необъятнаго величаваго и вмѣстѣ съ тѣмъ дорогого принесла она изъ родины въ чуждую ей страну. Пусть этотъ задумчивый паркъ уже вырубленъ до послѣдняго куста; пусть ласковая Ивановна, послѣ ихъ отъѣзда, носясь какъ фурія, поджигала со всѣхъ концовъ домъ, а снисходительный Родіонъ порѣзалъ всѣхъ выѣздныхъ лошадей; — она ничего этого не знала и всегда вспоминала о нихъ съ теплымъ чувствомъ. Вся грязь, вся кровь, весь ужасъ революціи прошли мимо нея не задѣвъ и не поранивъ ея душу горечью разочарованія и злобы. И это было для нея лучше, такъ какъ, думая о родинѣ, она не представляла ее себѣ истерзанной и окровавленной, а такой, какой помнила съ дѣтства: ласковой, спокойной, величественной.

Подростая, она зачитывалась Пушкинымъ, Лермон-

товымъ, Толстымъ, Тургеневымъ. Съ ними она жила той жизнью, которой уже не было и которую не вернуть; и не удивительно, что изъ нея вышла тихая и задумчивая мечтательница, милая и простая чуть-чуть наивная и совершенно непригодная къ жизни.

Что мнѣ сказать Игорю, волновалась она, вѣдь это въ первый разъ я не то что люблю, а не знаю люблю или нѣтъ. Вотъ я знаю, что маму, Мишу, Аню я люблю, а къ Игорю у меня не такое чувство. Нужно еще поговорить съ Аней.

Аня ея подруга пришла только къ вечеру, а Игоря все еще не было. Аня была полной противоположностью Мери. Стройная, ловкая, сильная, страстная спортсменка, она любила суету жизни, общество, блескъ.

— Ты спрашиваешь, нравится ли мнѣ Игорь. Какъ тебѣ сказать. Ты знаешь мой вкусъ. Я требую отъ мужчины чего - нибудь необыкновеннаго. Наружность не важна. Такъ прiѣлись всѣ эти прилизанные патроны и ихъ клерки, всѣ эти скучные дѣльцы, адвокаты, доктора, инженеры, все это шаблонъ. Мужчина, если онъ не обладаетъ какими либо выдающимися способностями или талантами, долженъ быть хотя бы какимъ-нибудь чемпiономъ. Хоть самымъ плохимъ. У Игоря есть только одинъ плюсъ, онъ дѣйствительно шикарно стрѣляетъ.

— Аня, ты неисправимая спортсменка.

— Не въ спортѣ дѣло, милая, а въ томъ, что ищешь чего-нибудь оригинальнаго, такъ надоѣло все обыденное. Вотъ возьми напримѣръ твоего кузена Мишу. Онъ оригиналенъ. Нигдѣ не служитъ, ничего не дѣлаетъ. Живетъ только игрою. Играетъ онъ безукоризненно честно, но онъ такъ тонко изучилъ всѣ игры, такъ хорошо постигъ психологiю игроковъ, что почти всегда выигрываетъ. Правда, иногда онъ въ одну ночь спускаетъ все,

но вѣдь это жизнь, борьба. Твоя мама не одобряетъ его, а по моему сражаться честно съ фортуной гораздо интереснѣе, чѣмъ стучать въ какой-нибудь конторѣ на пишущей машинкѣ. А вотъ, кстати, и онъ.

— Я всегда прихожу кстати.

— Миша, ты знаешь, Аня въ тебя влюблена.

— Естественно, чего же ты удивляешься. Было бы странно, если бы этого не произошло. Вѣдь кромѣ красивой внѣшности я обладаю массою достоинствъ.

— Какихъ это, смѣясь спросила Аня.

— Не пью, не курю.

— Въ карты не играю, вставила Мери.

— Играю, но только по самой крупной, но вѣдь это, какъ любитъ геворитъ Аня, шикарно.

— Какъ вы смѣете называть меня Аней.

— Но вѣдь это же оригинально. Не вы ли всегда твердите, что все обыденное такъ ужасно скучно, такъ надоѣло. Ну не сердитесь, тѣмъ болѣе, что сегодня я заставлю васъ восхищаться и гордиться мною, такъ какъ собираюсь поставить міровой рекордъ.

— Чего?

— Глупости. Отдаю тетушкѣ и добрымъ людямъ всѣ свои долги.

— Навѣрно выигралъ кучу денегъ, спросила Мери.

— Не кучу, а цѣлую гору, Монбланъ. Видите вопреки поговорки мнѣ везетъ не только въ любви, но и въ карты.

— Почему же вопреки поговорки, вѣдь есть и другія, съ невиннымъ видомъ замѣтила Аня.

— Ишь, какой злой язычекъ, а я еще хотѣлъ купить аэропланъ и предложить вамъ покататься.

— Съ вами, да вы и автомобилемъ навѣнро не умѣете управлять.

— Развѣ ты не знаешь, Аня, что Миша былъ однимъ изъ лучшихъ военныхъ летчиковъ.

— Неужели, вотъ шикарно.

— Ну что же покупать, а! Согласны вмѣстѣ летѣть.

— Покупайте,, отвѣтила Аня и почему-то смутилась и покраснѣла.

— Ну я пойду къ тетѣ, какъ ея мигрень.

— Спасибо, мама чувствуетъ себя хорошо.

— Ну слава Богу, значитъ міровой кризисъ благополучно разрѣшится. Да Мери вѣдь послѣзавтра твои именины, что тебѣ купить.

— Ну кто же такъ спрашиваетъ, вмѣшалась Аня. У васъ теперь много денегъ, и вы должны сдѣлать ей дорогой подарокъ. Хотите пойдемъ завтра вмѣстѣ и я выберу что-нибудь пошикарнѣе.

— Идетъ. Однако надо спѣшить, а то тетя уѣдетъ къ своему сейфу.

Игорь такъ и не пришелъ. День закончился вяло и скучно. Чувство какой то не то пустоты, не то безпричинной тоски преслѣдовало Мери цѣлый день. Передъ тѣмъ какъ лечь, она долго стояла у окна безцѣльно смотря на улицу. Что то томило и волновало ее.

— Ну что-же не пришелъ и не нужно, прошептала она и закусила губку.

У Парасковьи Павловны въ день именинъ Мери собралось довольно многочисленное общество. Около хозяйки осѣлъ болѣе солидный элементъ, а молодежь группировалась около именинницы.

— Еще два банка прекратили платежи, сокрушенно говорилъ пожилой господинъ съ крупнымъ брилліантомъ на перстнѣ.

— А съ нефтью, будто крѣпнетъ. Ожидается соглашеніе, вставилъ кто-то.

— Соглашеніе! Попомните мое слово, никогда его не будетъ, авторитетно заявила Прасковья Павловна.

— Мери вы сегодня хороши какъ ангелъ, только почему вы такая блѣдненькая, говорила ея свертница Женя всегда втайнѣ завидывавшая ей.

— Оттого, что все сидитъ въ комнатахъ и читаетъ. Тебѣ необходимо заняться спортомъ, замѣтила Аня.

— Напримѣръ боксомъ, паяснилъ Миша.

— А можетъ быть это отъ неудовлетворенной любви, съязвила Женя.

— Возможно, подхватилъ Миша, вѣдь она не такая сердцеѣдка, какъ вы. Вотъ и мое бѣдное сердце. Одной половиной его уже давно завладѣла Аня, виноватъ, Анна Петровна, а другую доѣли вы.

— Такъ вотъ почему вы такой безсердечный и безжалостно всѣхъ обыгрываете, отпарировала Женя.

— Всѣ великіе полководцы были безсердечны, вотъ почему они и выигрывали битвы, вступилась Аня.

— Ахъ! почему у меня нѣтъ второго сердца, чтобы положить его у вашихъ ножекъ, вздохнулъ Миша.

— Мери! Мери! Миша! Идите сюда скорѣе, слыхали ужасную новость, послышался съ другого конца комнаты взволнованный голосъ Прасковьи Павловны.

— Что такое, мамочка?

— Что случилось, тетя. Кто еще лопнулъ?

— Ахъ Боже мой, просто невѣроятно. Вы знаете, кѣмъ оказался Игорь... Игорь Владиміровичъ.

— Переодѣтымъ принцемъ.

— Кѣмъ мама?

— Бандитомъ, простонала Прасковья Павловна.

— О, я это давно зналъ, весело замѣтилъ Миша, онъ ограбилъ десять банковъ, совершилъ около сотни убійствъ, провелъ подкопъ въ тысячу километровъ и похитилъ Форда и Эдиссона. Голова его давно оцѣнена въ два доллара, хотя я бы далъ за нее дороже.

— Ахъ, ради Бога, не поясничай, послушай, что говоритъ Константинъ Константиновичъ.

Константинъ Константиновичъ Волжинъ, которому очень нравилось быть центромъ общаго вниманія, изъ-подъ пенснэ оглядѣлъ общество и не спѣша началъ свой разсказъ.

— Да, господа, къ сожалѣнію, это фактъ; объ этомъ еще мало кто знаетъ, но я имѣю совершенно достовѣрныя свѣдѣнія. Онъ, конечно, не ограбилъ десять банковъ и не совершилъ столькихъ убійствъ, какъ изволитъ говорить многоуважаемый Михаилъ Николаевичъ, Волжинъ строго оглядѣлъ его, но онъ, дѣйствительно, принадлежитъ къ извѣстной шайкѣ бандитовъ и участвовалъ въ похищеніи какого-то милліонера.

— Боже, какъ интересно, не выдержала Аня.

— Обстрѣлялъ полицейскій автомобиль.

— Вотъ шикарно!

— И теперь, закованный въ кандалы, сидитъ въ тюрьмѣ, побѣдоносно закончилъ Волжинъ.

— Мери, Меричка, что съ тобой, ты побѣлѣла, какъ стѣнка, еле на ногахъ держишься. Да поддержите же ее Миша! воскликнула вдругъ Аня.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, это пройдетъ. Просто голова немного закружилась. Просто устала; плохо спала ночь.

— Закружится, отъ такихъ сногсшибательныхъ новостей. Откуда вы все это знаете, спросилъ довольно рѣзко Миша.

— Изъ первоисточника, самаго достовѣрнаго. Я сегодня утромъ случайно попалъ въ пансіонъ, гдѣ онъ жилъ и слышалъ все это изъ устъ самой хозяйки. Она присутствовала при обыскѣ и при его арестѣ. Такой скандалъ; всѣ жильцы взбудоражены и возмущены. Всегда наши русачки отличатся чѣмъ-нибудь. Прямо позоръ. Скоро стыдно будетъ называться русскимъ.

— А вы, самое лучшее, и не называйтесь. Дѣйстви-

тельно между русскими попадаются пренесимпатичные субъекты, сказалъ отходя Миша.

— Какой ужасъ, какой ужасъ, качали головами дамы.

— И многихъ онъ перестрѣлялъ, спросила одна изъ нихъ.

— Досканально сказать не могу, извѣстно только, что есть пострадавшіе, но со стороны ли полиціи или бандитовъ, сказать не могу. Чего не знаю, то не знаю.

— Но когда же это все случилось.

— Это было въ четвергъ, и въ ту же ночь онъ былъ арестованъ.

«Вотъ почему онъ не пришелъ тогда», подумала Мери.

— Богъ мой, кто бы могъ подумать; такой милый симпатичный молодой человѣкъ.

— И такой добрый, отзывчивый, сокрушались дамы.

— И такой интересный, ехидно добавила Женя, покосившись въ сторону Мери.

— Почему же ничего нѣтъ въ газетахъ, спросила Прасковья Павловна.

— Въ сегодняшнихъ вечернихъ выпускахъ будетъ, раньше полиція просила не печатать, пояснилъ Волжинъ.

— Вотъ, такъ на чужбинѣ гибнутъ молодыя силы, сказалъ маленькій сѣдой старичекъ; — не будь этой проклятой революціи, жилъ бы себѣ человѣкъ спокойно на родинѣ всѣми любимый и уважаемый, а тутъ, извольте видѣть — бандитъ.

— Бандитъ всегда и вездѣ бандитомъ и останется, рѣзко замѣтилъ господинъ съ брилліантомъ на перстнѣ.

Поговоривъ еще на эту тему поохавъ, повздыхавъ, наконецъ заговорили о другомъ, а послѣ имениннаго обѣда, который Прасковья Павловна закатила по ста-

ринному, по прежнимъ традиціямъ съ пирогомъ и прочими прелестями, къ этой темѣ уже не возвращались.

По обыкновенію, было шумно, оживленно и весело, только одной имениннницѣ было какъ будто не по себѣ, можетъ быть просто нездоровилось, однако, она пересиливала себя и старалась занимать гостей. Наконецъ безконечный, долгій и тоскливый для Мери день кончился. Гости стали разъѣзжаться. Прощаясь Миша почему то крѣпче поцѣловалъ ей руку, а Аня нѣжнѣе обняла, но Мери этого не замѣтила.

Когда она прощалась на ночь съ матерью, та, по обыкновенію, поцѣловала ее въ лобъ и перекрестила.

— А! Игорь! сказала она, кто бы подумалъ, такой милый симпатичный, былъ принятъ у насъ какъ родной и вдругъ бандитъ! Еще и за тобой ухаживалъ; да и тебѣ, кажется, нравился.

— Мнѣ какъ-то не вѣрится, мама.

— Ну, ужъ если Волжинъ говоритъ — значитъ вѣрно. Ужъ эта проныра всегда все знаетъ. Кто первый узналъ, что Федоровъ повѣсился — онъ, а что Марья Павловна съ Коровинымъ сбѣжала — тоже онъ. Ну иди спать, а то у тебя такой усталый видъ.

Придя въ свою комнатку, Мери, не раздѣваясь, бросилась лицомъ въ подушку и горько, горько заплакала.

Сегодня Игорь рѣшилъ отправиться къ Прасковьѣ Павловнѣ. Нужно было выяснить недоразумѣніе, тѣмъ болѣе, что въ газетахъ онъ прочелъ описаніе столкновенія полиціи съ бандитами. Въ этой статьѣ упоминалось его имя и описывался его арестъ. Какъ ни фантастично его приключеніе все же одно то, что его освободили свидѣтельствуетъ о его невинности. Его больше смущала потеря мѣста и репутаціи. Кто теперь приметъ его на службу. Въ концѣ концовъ онъ нищій выброшен-

ный на улицу безъ надежды на лучшее будущее. Что предпринять. Конечно, при теперешнихъ обстоятельствахъ, онъ не смѣетъ, да и не позволитъ себѣ даже заикнуться Мери о своихъ чувствахъ, но все же нужно пойти къ ней; разсказать все и, можетъ быть, проститься навѣки. Нужно еще, хотя и съ опозданіемъ, сдѣлать ей именинный подарокъ; тотъ самый браслетъ, который ей такъ понравился, но который Прасковья Павловна отказалась купить ей, находя цѣну слишкомъ дорогой. За этотъ браслетъ онъ сегодня утромъ заплатилъ почти всѣ полученныя изъ конторы деньги, такъ что у него остались только крохи, чтобы нанять новую комнату и просуществовать недѣли двѣ. Этотъ браслетъ въ роскошномъ бархатномъ футлярѣ лежалъ и сейчасъ у него на столѣ и, смотря на игру камней, онъ представлялъ себѣ его на ручкѣ Мери. Въ комнату постучались.

— Войдите!

Дверь отворилась и въ разрѣзѣ ея показался почтенный господинъ съ длинной сѣдой бородой и пушистыми усами. Въ одной рукѣ онъ держалъ шляпу, а въ другой необычайно толстую палку. Онъ пытливо уставился на Игоря и весело разсмѣялся.

— Вы, конечно, не узнаете меня, хотя сходство дѣйствительно поразительное.

— Простите, нахмурясь поднялся ему на встрѣчу Игорь, вы должно быть ошиблись дверью, я не имѣю чести васъ знать.

— А вотъ мы сейчасъ познакомимся покороче, развязно проговорилъ странный посѣтитель, оглядываясь, хорошо ли заперта дверь. Затѣмъ онъ подошелъ къ комоду, неторопливо снялъ сначала усы, потомъ бороду и наконецъ парикъ.

— Ну вотъ, теперь надѣюсь узнаете, обернулся онъ чъ Игорю.

— Послушайте, что значитъ этотъ маскарадъ и кто

вы такой, съ тревогой спросилъ тотъ, боясь опять впутаться въ какую-нибудь непріятную исторію.

— Какой ненаблюдательный, какой недогадливый, покачалъ головой незнакомецъ и взявъ Игоря за руку подвелъ къ висящему на стѣнѣ большому зеркалу и сталъ съ нимъ рядомъ.

— Ну.

— Ну, что же вамъ наконецъ нужно.

— Да посмотрите же въ зеркало на меня и на себя.

Игорь остолбенѣлъ, сходство дѣйствительно было необыкновенное. Конечно, если всмотрѣться внимательнѣе можно было найти разницу и въ выраженіи глазъ и въ тѣхъ неуловимыхъ тонкихъ оттѣнкахъ, которые налагаетъ на лицо душа и характеръ человѣка. У Игоря все было тоньше, мягче, добродушнѣе, тогда какъ у другого рѣзче и суровѣе. Однако на первый взглядъ оба казались двойниками.

— Ну, теперь догадались!

— Вы Акула! воскликнулъ Игорь.

— Да, да. Та самая Акула, которую вы благодаря нашему сходству, случайно спасли отъ смерти, а сообщивъ, что за мной охотятся вы спасли меня вторично, такъ какъ я не зналъ, что я уже приговоренъ ими къ смерти. Вы видите, что я вашъ должникъ. Теперь я не выхожу безъ грима и безъ оружія, онъ показалъ на палку, — это нѣчто вродѣ маленькаго пулемета. Такъ вотъ, позвольте познакомиться и изъ Акулы превратиться въ Генри Томсона, всегда готоваго къ вашимъ услугамъ. Вотъ вамъ мой адресъ вы запомните его и сообщите, если я когда-нибудь понадоблюсь вамъ, можете всегда расчитывать на меня.

— Очень вамъ признателенъ, отвѣчалъ тронутый Игорь и сердечно пожалъ протянутую ему руку.

— Если вздумаете ко мнѣ завернуть, не смущайтесь, если васъ непривѣтливо встрѣтитъ моя тѣлохрани-

тельница, довольно свирѣпая старушка, она немного тронулась послѣ того, какъ бандаты убили ея двухъ сыновей, но зато вѣрный сторожъ. Кстати, чтобы она впустила васъ, скажите, что вы русскій: это будетъ нашъ пароль.

— Я очень радъ, что случайно былъ вамъ полезенъ, искренно произнесъ Игорь, но вы сильно преувеличиваете мою роль въ этомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ сердечно благодарю васъ за желаніе быть мнѣ полезнымъ и прошу вѣрить, что я радъ нашему оригинальному знакомству.

— Вотъ и прекрасно, вы мнѣ также нравитесь, просто сказалъ Томсонъ. Однако мнѣ пора, нужно еще посѣтить одного самоубійцу, а можетъ-быть и убитаго, кто знаетъ.

— Тяжелое у васъ ремесло, не веселая и опасная работа.

— Ко всему привыкаешь, вздохнулъ сыщикъ. Ахъ какой прелестный браслетъ, да и не дешевый.

— Я его купилъ сегодня утромъ и могу показать вамъ счетъ магазина.

— Что вы, что вы, немного обидѣлся Томсонъ, я я ничего дурного не думалъ. Однако я не ошибусь, если скажу, что вы влюблены и я догадываюсь о назначеніи этого браслета. Какіе вы русскіе странные люди. Ну пришло ли бы въ голову нашему янки послѣ такой передряги, лишившись мѣста, покупать такую дорогую вещь. Однако, я опять заболтался, а мой мертвецъ давно уже потерялъ терпѣніе въ ожиданіи меня.

Томсонъ снова превратился въ старика, сердечно простился съ Игоремъ и, взявъ въ руку свою палку-митральезу, скрылся за дверью.

Послѣ его ухода Игорь тщательно занялся своимъ туалетомъ, по окончаніи котораго, отправился къ Кор-

чагинымъ, твердо рѣшивъ: ничего не говорить Мери о своихъ чувствахъ.

Засталъ онъ Мери одну. Отъ неожиданности она совершенно растерялась.

— Какъ... это вы, могла только вскрикнуть она покраснѣвъ отъ волненія.

— Да, я, неужели не узнали потому, что я сбрилъ усы, попробовалъ пошутить Игорь.

— Нѣтъ узнала... но вы... но я читала.

— Что я бандитъ. И вы этому повѣрили Мери.

— Нѣтъ... нѣтъ... но это было такъ ужасно. Мнѣ сказали это въ день именинъ... При этомъ воспоминаніи у нея на глазахъ навернулись слезы.

— И вамъ стало жалко, что меня посадятъ на электрическій стулъ.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, не шутите. Это было ужасно, ужасно, ужасно, и Мери вдругъ разрыдалась прислонившись къ его плечу.

— Мери, Мери, голубочка! Ну не плачьте дорогая, ну перестаньте. Онъ старался приподнять ея голову и растерявшись началъ гладить и цѣловать ея волосы. «Боже, что я дѣлаю, какой я негодяй, какъ я смѣю цѣловать ее». — Ну не плачьте же дорогая. Подымите головку. Онъ нѣжно приподнялъ ее самъ и заглянулъ въ ея глаза.

— Не плачьте, не плачьте, мои дорогіе глазки. Ишь слезки такъ и бѣгутъ. И онъ сталъ осушать ихъ робкими поцѣлуями. — «Боже, я опять цѣлую ее, негодяй».

— Ахъ Игорь я такъ измучилась, прошептала Мери, радостно глядя на него. — А вамъ безъ усовъ гораздо лучше, вдругъ неожиданно улыбнулась она.

— Мери, Мери я негодяй, благодаря этой исторіи, я не смѣю мечтать о васъ. Я теперь безъ мѣста и безъ средствъ, почти нищій.

— Но въ чемъ же дѣло, встревожилась Мери.

— Постойте, дайте мнѣ разсказать все.

Игорь изъ предосторожности отодвинулся отъ Мери и началъ подробно передавать ей свои приключенія.

— Боже мой, бѣдняжка! Сколько вы пережили, вздохнула Мери.

— Да, а всему виною усы.

— А все же не смѣйте ихъ больше носить. Но за что же вы назвали себя негодяемъ.

— Какъ, развѣ я не негодяй. Я человѣкъ безъ всякаго положенія, съ испорченной репутаціей и вдругъ позволилъ себѣ поцѣловать васъ.

— Какой вы глупый Игорь, сказала Мери и обвила его шею руками.

— «Негодяй, негодяй», твердилъ про себя Игорь, утопая въ блаженствѣ и прижимая къ себѣ любимую дѣвушку.

Неизвѣстно, долго бы продолжалась идилія влюбленныхъ, если бы на порогѣ не показалась внушительная фигура Прасковьи Павловны. Если бы бомба... да что бомба, если бы сказали, что обанкротился Фордъ, лопнулъ англійскій банкъ, большевики заплитили всѣ долги, Прасковья Павловна была бы менѣе поражена, чѣмъ при видѣ дочери въ объятіяхъ бандита. Точно Сарра, превращенная ужаснымъ зрѣлищемъ въ соляной столбъ, застыла она неподвижно у порога съ раскрытымъ ртомъ и выпученными глазами, потерявъ даръ рѣчи. Ея шляпа съѣхала на затылокъ, а сумочку съ купонами она уронила на полъ.

Смущенная Мери и растерявшійся до жалости Игорь, поднялись со своихъ мѣстъ и отскочили подальше другъ отъ друга.

— Мамочка, вотъ Игорь пришелъ... и все оказалось неправдой, то-есть правдой, но неправильной, сбиваясь, скоро заговорила Мери.

— Прасковья Павловна разрѣшите мнѣ объясняться, робко началъ Игорь.

Прасковья Павловна никакъ не могла притти въ себя. Тяжело дыша, не снимая ни шляпы, ни перчатокъ, она грузно и молча опустилась въ кресло, а Мери и Игорь наперерывъ стали объяснять ей случавшееся, и только когда они кончили, Прасковья Павловна смогла наконецъ заговорить:

— Все это хорошо, но причемъ же тутъ объятія и поцѣлуи.

— Это я виновата мамочка. Я первая...

— Стыдилась бы хоть говорить.

— То-есть не я первая, а Игорь, путалась Мери. Сначала онъ поцѣловалъ меня въ голову, чтобы я не плакала, а потомъ я его...

— Чтобы онъ тоже не плакалъ.

— Ну ,мамочка, милая не сердись, право мы ни въ чемъ не виноваты.

— Нѣтъ, Мери, виноватъ конечно я, и виноватъ очень, что не сдержалъ своихъ чувствъ. Прасковья Павловна, я конечно понимаю, что пока я не завоюю извѣстнаго положенія...

— Завоевали уже, перебила Прасковья Павловна, теперь васъ всѣ бандитомъ называютъ.

Эта фраза окончательно смутила Игоря.

— Прасковья Павловна, горячо и сбивчиво началъ онъ, я конечно виноватъ, то-есть виноваты во всемъ! бандиты, а я только въ томъ, что осмѣлился преждевременно поцѣловать Мери. Я понимаю вашъ материнскій гнѣвъ, онъ мнѣ понятенъ такъ, будто я самъ мать, но все это вышло само собой, я пока ничего не прошу, однако, позвольте мнѣ надѣяться, что вы противъ меня ничего не имѣете.

— Ну, хорошо, будемъ считать, что ничего не произошло и что все остается по старому, но чтобы боль-

ше объятій и поцѣлуевъ мнѣ не было. Вообще этого я отъ васъ не ожидала.

— Я самъ не ожидалъ, Прасковья Павловна.

— Мамочка, это произошло какъ то самой собой.

— Ну, чтобы этого больше не было, строго повторила она, грозно взглянувъ на влюбленныхъ.

Они стояли передъ ней рядомъ хоть и смущенные, но счастливые, не замѣчая, что ихъ руки сами собой соединились вмѣстѣ.

Прасковья Павловна укоризненно покачала головой.

— Расцѣпите-ка ваши руки. И въ кого это ты пошла Мери.

И, вдругъ, вспомнился ей лѣтній вечеръ. Изъ освѣщенныхъ оконъ слышатся звуки рояля, въ столовой стучатъ посудой къ ужину, а она, шестнадцатилѣтняя дѣвченка, разрумяненная съ растрепанными непослушными волосами летитъ по дорожкѣ душистаго сада, чуть не теряя туфельки, туда вглубь, въ затѣненную, полную сладкой тайны аллею и вдругъ отъ ствола старой липы отдѣляется ей на встрѣчу стройная тѣнь. Прасковья Павловна вздохнула, смягчилась и ласково обняла Мери.

— А ну-ка, покажи руку Мери, что это у тебя такое?

— Это, мамочка, подарокъ Игоря на мои именины.

— Тотъ самый браслетъ, что я отказалась купить изъ-за его цѣны. Да вы съ ума сошли Игорь.

— Уже давно отвѣчалъ тотъ, глядя на Мери блаженными глазами.

Когда Игорь возвращался домой, про него нельзя было сказать, что онъ шелъ, правда ноги его двигались, но онъ этого не замѣчалъ, не ощущалъ и земли подъ ними, а плылъ въ какомъ то блаженномъ полузабытьѣ, не замѣчая ни улицы, ни снующихъ вокругъ лю-

дей. Для него приподнялся сегодня краюшекъ неба и онъ увидѣлъ въ немъ своего ангела.

Въ такомъ восторженномъ состояніи онъ быстро продвигался впередъ ничего не слыша и не видя, пока не уткнулся носомъ въ огнедышащую сигару встрѣчнаго прохожаго.

— Чертъ! Смотрите же, мистеръ, передъ собой!!

Эта встрѣча немного привела его въ себя, и заставила внимательнѣе смотрѣть передъ собой.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда онъ подошелъ къ своему дому; вотъ почему онъ не могъ замѣтить лица какого то человѣка сунувшаго ему въ руку объемистый конвертъ и быстро шмыгнувшаго за уголъ. Это неожиданное происшествіе его очень встревожило, но, когда, при свѣтѣ фонаря, онъ прочелъ на конвертѣ свое имя, тревога его еще болѣе усилилась и перешла въ бѣшенство. Когда же его оставятъ въ покоѣ и будетъ ли конецъ сказочнымъ приключеніямъ. Онъ проворно спряталъ конвертъ и поспѣшилъ къ себѣ въ комнату. Тамъ, запершись на ключъ, онъ нетерпѣливо разорвалъ конвертъ и вдругъ изъ него на столъ посыпались сто долларовыя бумажки. Откуда это, что за деньги, удивился Игорь и поспѣшно раскрылъ приложенное письмо. Оно было написано на четкой пишущей машинкѣ и имѣло вполнѣ дѣловой видъ.

«Мистеръ,

Общество «Вѣрныхъ Друзей», помня, что вы спасли нѣкоторыхъ изъ его членовъ отъ вѣрной смерти и узнавъ, что, благодаря происшедшей ошибкѣ, вы лишились мѣста, позволяетъ себѣ смѣлость, предоставить въ ваше полное распоряженіе сумму въ 300 (триста) долларовъ, какъ слабый знакъ его признательности.

За директора Безносый Дикъ
Секретарь Питеръ Пропойца».

Какой изысканный слогъ, невольно улыбнулся Игорь; и какое сложное существо человѣкъ, запутанная смѣсь добра и зла. Вотъ, всѣ его знакомые отнеслись безучастно къ его несчастью, а эти отверженныя люди приходятъ къ нему на помощь. Однако Игорь ошибся. На столѣ онъ нашелъ и другой конвертъ съ визитной карточкой Миши.

Дорогой Бандитъ! Если Вамъ что-нибудь понадобится: напримѣръ я или еще лучше презрѣнный металлъ, черкните только слово. У меня теперь куча денегъ, я все выигрываю, и, если такъ будетъ продолжаться, то, можетъ быть, отмочу такую штуку, что вы всѣ раззините рты. Жму руку вашъ Миша».

Славный онъ малый, подумалъ Игорь.

Время шло ,а устроиться Игорю такъ, чтобы онъ могъ расчитывать на лучшее будущее никакъ не удавалось. Онъ кое-какъ перебивался случайной работой, но завѣтная цѣль была далека и его утѣшало только то, что Прасковья Павловна не ставила преградъ его посѣщеніямъ.

Однажды, идя къ нимъ онъ столкнулся съ Волжинымъ.

— А, дорогой бандитъ! Какъ ваше драгоцѣннѣйшее? Слыхали потрясающую новость, самую свѣженькую?

— Какую?

— Мишель то нашъ, племянничекъ Корчагиной укралъ у этихъ, ахъ все путаю ихъ фамиліи...

— Мишель... укралъ...

— Ну у этихъ, вотъ все путаю, Курочкиныхъ или Пѣтуховыхъ... Да, да, Курочкиныхъ.

— Да что же онъ укралъ?

— Не что, а кого. Дочку укралъ... эту Аню, знаете.

— Аню?

— Ну да, укралъ и они улетѣли на аэропланѣ. Онъ то его раньше купилъ. Скандалъ! Мамаша въ обморокѣ. Отецъ президенту телеграмму хотѣлъ посылать. Я только что отъ нихъ, наводилъ кое-какія справки. А потомъ, слыхали, молодожены наши Угрюмовы — уже разводятся. Ну простите, мнѣ некогда бѣгу навѣстить нашего предсѣдателя, кажется умретъ сегодня. Волжинъ поспѣшилъ дальше, но, столкнувшись на углу съ другимъ знакомымъ, взялъ его за пуговицу и сталъ что-то горячо говорить ему.

Когда Игорь пришелъ къ Корчагинымъ, Мери подала ему открытку отъ Миши.

«Съ шикарной женой лечу въ шикарное свадебное путешествіе. Миша.

Цѣлую Аня».

— Счастливые, вздохнулъ Игорь.

— А ты развѣ не счастливъ, погрозила Мери.

Игорь схватилъ ее въ свои объятія. Онъ не называлъ больше себя негодяемъ.

Такъ проходили дни за днями, не принося ничего новаго, только Прасковья Павловна чаще стала страдать мигренями. Но вотъ однажды съ Игоремъ опять случилось нѣчто такое, что снова всколыхнуло и потрясло его тихую жизнь.

Проходя какъ то по улицѣ, Игорь замѣтилъ у тротуара мотоциклиста возившагося съ своей машиной. Когда тотъ поднялъ голову, онъ узналъ въ немъ Джека и тотъ также его узналъ. Вспомнивъ о полученной отъ

бандитовъ помощи, Игорь не счелъ удобнымъ пройти мимо.

— Не помочь ли вамъ, привѣтливо спросилъ онъ.

Джекъ приложилъ палецъ къ губамъ.

— Не разговаривайте со мной и проходите мимо. За нами охотятся. Чертъ бы побралъ, засорилась проклятая бензиновая трубка!

Въ это время въ концѣ улицы послышалась трескотня выстрѣловъ. Жители Чикаго привыкли уже къ боевой обстановкѣ и были великолѣпно тренированы. Улица моментально опустѣла. Автомобили, прибавивъ ходъ, быстро свернули въ ближайшіе переулки, а прохожіе попрятались по магазинамъ, въ кіоскахъ, за выступами стѣнъ.

— Прячься, крикнулъ Джимъ и, схвативъ какой то пакетъ, укрылся вмѣстѣ съ Игоремъ за тумбой для наклейки афишъ.

Изъ своего убѣжища они ясно видѣли какъ по улицѣ несся мотоциклистъ, а за нимъ, тоже на мотоциклеткѣ, двое полицейскихъ, причемъ, сидящій сзади безпрерывно стрѣлялъ въ преслѣдуемаго. Вдругъ, тотъ обернулся и выпустилъ въ нихъ два заряда. Передній покачнулся и бросилъ руль. Колесо круто завернулось и оба полетѣли на землю.

— Ловко Чарли, прошепталъ Джекъ.

Но въ это время изъ переулка наперерѣзъ бандиту, уже считавшаго себя побѣдителемъ, выѣхалъ какой то незадачливый велосипедистъ. Машины столкнулись. Смявъ велосипедиста, Чарли самъ полетѣлъ черезъ голову и растянулся на мостовой выронивъ изъ руки револьверъ. Онъ тотчасъ же вскочилъ и бросился подымать свою машину. Однако, оправившійся послѣ паденія, второй полицейскій быстро приближался къ нему держа наготовѣ оружіе. Ееще минута и онъ навѣрняка пристрѣлилъ бы безоружнаго Чарли.

— Подержи-ка на минутку этотъ свертокъ, шепнулъ Джимъ, и, сунувъ въ руки Игоря пакетъ, быстро выскочилъ изъ-за своего прикрытія. Бросившись къ полицейскому, онъ почти въ упоръ выстрѣлилъ ему въ грудь. Тотъ, какъ бѣжалъ наклонившись впередъ, такъ и упалъ ничкомъ, убитый наповалъ. Джекъ подбѣжалъ къ Чарли и торопливо сталъ помогать ему привести въ порядокъ машину, не обращая вниманія на велосипедиста, который, понявъ, наконецъ, въ какую онъ попалъ передѣлку, неподвижно распластался на землѣ, молясь, чтобы она разступилась и укрыла его. Однако не прошло и минуты, какъ съ обоихъ концовъ улицы показались быстро несущіеся автомобили полные вооруженныхъ людей.

Бандиты были окружены и пути отступленія имъ отрѣзаны. Они даже не успѣли сдѣлать ни одного выстрѣла. Залпъ изъ автомобиля и Джекъ, взмахнувъ руками, упалъ навзничь съ прострѣленной головой, а рядомъ съ нимъ, какъ снопъ, свалился бездыханный Чарли. Досталось и распростертому на землѣ неудачнику, ему тоже прострѣлили плечо. Все это произошло такъ неожиданно и такъ быстро, что Игорь не успѣлъ сообразить, что ему предпринять. Онъ пришелъ въ себя только тогда, когда перестрѣлка стихла и начали подбирать убитыхъ и раненыхъ. Только тогда онъ, къ своему ужасу, сообразилъ, что держитъ въ рукахъ пакетъ принадлежащій бандитамъ. Бросить его? Но это могли замѣтить. Отдать полиціи, но какъ объяснить, почему онъ очутился въ его рукахъ. Наконецъ, онъ рѣшилъ оставить пакетъ у себя и постараться, не привлекая на себя вниманія, незамѣтно удалиться отъ мѣста происшествія. Сначала онъ замѣшался въ толпу, окружившую мѣсто битвы, а затѣмъ, съ видомъ удовлетвореннаго любопытства, продолжалъ беззаботно свой путь. Только придя домой въ свою комнату, онъ вскрылъ свертокъ.

Это былъ объемистый пакетъ завернутый въ парусину обвязанный крѣпкой веревкой съ пломбами на концахъ. Распаковавъ его, онъ нашелъ въ серединѣ связки банковыхъ билетовъ, всѣ очень высокаго достоинства. Каждая связка была оклеена накрестъ полосками бумаги и припечатана. Это было цѣлое громадное состояніе. Что дѣлать теперь, чтобы опять не быть замѣшаннымъ въ исторію съ бандитами. На этотъ разъ онъ не отдѣлался бы такъ легко. Несомнѣнно, что полиція приложитъ всѣ усилія, чтобы разыскать такой цѣнный пакетъ и, если какъ-нибудь обнаружится, что онъ былъ у него — тогда это гибель.

Вдругъ въ голову ему пришла блестящая идея: онъ пойдетъ къ Акулѣ, раскажетъ ему все, отдастъ пакетъ и попроситъ, чтобы его не вмѣшивали въ это дѣло. Не медля ни минуты, онъ завернулъ все опять въ парусину, но, кромѣ того, обернулъ толстой бумагой, чтобы придать свертку, на всякій случай, иной видъ, а затѣмъ обвязалъ толстымъ шнуркомъ. Нужно предупредить Мери, что онъ не сможетъ прійти сегодня къ обѣду, какъ обѣщалъ, такъ какъ медлить нельзя и чѣмъ скорѣе онъ отдѣлается отъ опаснаго сокровища, тѣмъ лучше. Онъ заперъ на ключъ комнату и поспѣшилъ къ телефону, находящемуся въ этомъ же этажѣ. Переговоривъ съ Мери, онъ вернулся въ свою комнату, одѣлъ шляпу, но когда подошелъ къ столу, чтобы взять пакетъ, вдругъ замеръ въ ужасѣ: пакетъ исчезъ.

Игорь въ волненіи заходилъ по комнатѣ. Положеніе становилось угрожающимъ: — «Кто могъ похитить пакетъ? Въ отсутствіи онъ былъ не болѣе пяти-шести минутъ. Комната была заперта. Прислуга! Но развѣ она могла подозрѣвать, что въ пакетѣ находится цѣлое состояніе. Онъ часто оставлялъ въ комнатѣ деньги и цѣнныя вещи и никогда ничто не пропадало. Правильнѣе всего было предположить, что на улицѣ у Джека бы-

ли еще сообщники; они видѣли, какъ тотъ передалъ ему пакетъ, даже, можетъ быть, узнали его самого, а потомъ, когда Джекъ былъ убитъ, послѣдовали за нимъ. Конечно для ловкихъ бандитовъ, снабженныхъ превосходными современными воровскими инструментами, не представляло большого труда проникнуть въ его запертую комнату и взять свертокъ.

Но что же теперь дѣлать? Что предпринять? Онъ опять замѣшанъ въ исторію съ бандитами, но на этотъ разъ кровавую, сопряженную не только съ грабежомъ, но и съ убійствомъ. Если полиція нападетъ на слѣдъ преступниковъ, что очень вѣроятно, она можетъ узнать, что пакетъ нѣкоторое время находился у него въ рукахъ, что онъ вынесъ его изъ поля битвы. Кто же повѣрить ему, что не онъ самъ передалъ его потомъ бандитамъ, ему замѣченному уже ранѣе въ сношеніяхъ съ этой же самой шайкой. Боже мой! Что будетъ съ Мери? Гдѣ выходъ? Однако Игорь не терялъ самообладанія. Послѣ зрѣлаго размышленія, онъ рѣшилъ все-таки отправиться къ Акулѣ и разсказать ему все. При своемъ посѣщеніи, тотъ произвелъ на него чрезвычайно пріятное впечатлѣніе и Игорь надѣялся убѣдить его въ своей непричастности къ этому дѣлу. Правда, онъ рисковалъ навлечь на себя месть бандитовъ, но пасть отъ ихъ руки было все же менѣе позорно, чѣмъ покончить свои дни на электрическомъ стулѣ. Если онъ не сдѣлаетъ этого сейчасъ же, то потомъ будетъ уже поздно, не поможетъ и Акула, да и повѣритъ ли онъ тогда ему.

Акула жилъ на окраинѣ города въ небольшомъ павильонѣ окруженномъ садикомъ, обнесеннымъ оградой изъ колючей проволоки. Когда Игорь позвонилъ у калитки, къ воротамъ прежде всего бросился огромный бульдогъ, жаждущій при первой возможности впиться ему въ горло, и, только послѣ второго звонка, въ домѣ открылась дверь и изъ нея вышла высокая, худая ста-

руха, похожая на тѣхъ вѣдьмъ, которыхъ, обыкновенно, рисуютъ въ дѣтскихъ сказкахъ верхомъ на метлѣ. Она долго и подозрительно вглядывалась въ пришедшаго и, наконецъ, не торопясь, подошла къ калиткѣ.

— Что надо, грубо спросила старуха.

— Мистера Томсона можно видѣть, спросилъ Игорь, приподнимая шляпу.

— Никакого мистера Томсона здѣсь нѣтъ, проваливай-ка дальше.

— Онъ самъ велѣлъ мнѣ притти, солгалъ Игорь. — Я русскій, вспомнилъ онъ о паролѣ.

— Русскій; помолчи песъ! Его дома нѣтъ.

— Гдѣ же онъ?

— Почемъ я знаю. Нянька я ему что ли? Кого нянчила, тѣхъ нѣтъ.

— Когда же можно застать его дома, съ досадой спросилъ Игорь.

Старуха повернулась къ нему спиной и начала гладить собаку. — Слышишь песикъ, онъ спрашиваетъ, «когда дома», а бѣсъ его знаетъ когда. Она засмѣялась и пошла въ домѣ.

Игорь съ огорченіемъ пошелъ назадъ, раздумывая, что предпринять дальше.

Однако, не сдѣлалъ онъ и десяти шаговъ, какъ къ нему подошелъ стройный брюнетъ и тихо спросилъ:

— Не ко мнѣ ли вы мистеръ?

— Почему вы это думаете, осторожно отвѣчалъ Игорь. — Простите, я васъ не знаю.

— Но я видѣлъ, что вы стояли у моей калитки и разговаривали со старухой.

— Да, но я искалъ другое лицо.

— Кромѣ меня тамъ никто не живетъ; значитъ вы ко мнѣ мистеръ Игорь.

— Какъ, вы?...

— Ну, хотя бы, Акула!

— Ахъ, какъ я радъ, воскликнулъ горячо Игорь, я такъ былъ обезкураженъ не заставъ васъ, мнѣ такъ необходимо поговорить и посовѣтываться съ вами.

— Ну, тогда не будемъ терять времени и разговаривать на улицѣ. Прошу васъ ко мнѣ.

Онъ самъ отперь калитку; укротилъ собаку и они вошли въ домъ. Тамъ онъ усадилъ своего гостя въ кабинетѣ, предложилъ ему дорогую сигару, а самъ пошелъ переодѣваться. Сидя въ креслѣ, Игорь замѣтилъ, что изъ боковой полуоткрытой двери на него не отрываясь смотрятъ злые глаза старухи. Она, точно хищная птица, сторожила всякое его движенiе, готовая каждую минуту броситься на него. Наконецъ вернулся Акула, принявъ свой натуральный видъ. Онъ прикрылъ всѣ двери, ласково кивнувъ старухѣ, и усѣлся противъ Игоря.

— Надѣсь, моя старушка не очень напугала васъ, незамѣнимый и неподкупный сторожъ, усмѣхнулся онъ. — Ну-съ, дорогой мистеръ Игорь, я васъ слушаю.

— Только вамъ одному, началъ Игорь, я могу разсказать то, что произошло, такъ какъ никто другой не повѣ рить мнѣ и не сумѣетъ разобраться въ этомъ дѣлѣ. Вы такъ участливо и здраво отнеслись ко мнѣ въ прошлый разъ, что я смѣю ввѣрять вамъ свою честь, а, можетъ быть, даже жизнь.

Серьезные и умные глаза сыщика, внимательно смотрѣли на Игоря, какъ бы ощупывая его.

— Не смущайтесь, не смущайтесь, приступайте прямо къ дѣлу.

— Хорошо, я постараюсь быть краткимъ.

— И точнымъ, вставилъ Акула.

— Постараюсь. Сегодня, началъ послѣ небольшой паузы Игорь, мнѣ пришлось быть невольнымъ свидѣтелемъ перестрѣлки между полицiей и бандитами. До ея начала, я увидѣлъ у тротуара человѣка возившаго-

ся съ мотоциклеткой. Когда онъ приподнялъ голову, я узналъ въ немъ одного изъ похитившихъ меня бандитовъ, именно Джека. Онъ тоже меня узналъ. Нужно вамъ сказать, что послѣ моего освобожденія изъ подъ ареста, я получилъ отъ бандитовъ письмо съ тремя стами долларовъ. Очевидно они слѣдили за мной и знали, что, благодаря имъ, я лишился мѣста. Въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ они говорили объ этомъ въ письмѣ и прилагали деньги, какъ возмѣщеніе за понесенныя мною утраты и за оказанную имъ услугу.

— Это письмо при васъ?

— Нѣтъ, я его уничтожилъ.

— Жаль.

— Я не хотѣлъ оставлять никакихъ слѣдовъ своихъ сношеній съ бандитами.

— Это письмо только оправдывало васъ. Скажите, а за какую же услугу они прислали вамъ столько денегъ. Неужели только за то, что вы, какъ говорили на допросѣ, перевязали ихъ раненаго.

— Нѣтъ, не за это. Я хочу вамъ разсказать все, какъ на исповѣди. Дѣло въ томъ, что, когда открыли по бандитамъ огонь изъ бронированнаго автомобиля, было ясно, что въ концѣ концовъ всѣ будутъ прстрѣляны. Вопросъ былъ только во времени. Убѣжать мы тоже не могли, такъ какъ наша машина была слабѣе, а стрѣльба, даже изъ карабиновъ, не причиняла никакого вреда. Я понялъ, что меня ждетъ одинаковая съ бандитами участь. Я не хотѣлъ причинять вредъ полиціи, но не хотѣлъ и погибать. Я нашелъ среднiй выходъ. Я взялъ карабинъ и, будучи прекраснымъ стрѣлкомъ, прострѣлилъ у преслѣдователей шину. Это спасло меня, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бандитовъ.

— Отчего же вы не разсказали мнѣ этого при нашемъ первомъ знакомствѣ?

— Я не хотѣлъ усложнять и безъ того очень тяжелое положеніе.

— Жаль, очень жаль, проговорилъ сыщикъ, и губы его крѣпко сжались. — Пожалуйста продолжайте.

— Не успѣлъ я сказать Джеку и одного слова, какъ началась стрѣльба. Всѣ прохожіе старались укрыться. Я очутился вдвоемъ съ Джекомъ за какой-то тумбой. Вдругъ, когда упалъ мчавшійся на мотоциклеткѣ бандитъ, и на него бросился полицейскій, онъ сунулъ мнѣ въ руки, бывшій при немъ пакетъ, и бросился на помощь товарищу, но тотчасъ же былъ вмѣстѣ съ нимъ убитъ залпомъ изъ подоспѣвшаго автомобиля. Такъ я очутился съ пакетомъ, принадлежащимъ бандитамъ, въ рукахъ. Я не зналъ, что въ немъ находится и не хотѣлъ вторично вмѣшать себя въ исторію съ бандитами, вотъ почему я постарался скорѣе уйти съ мѣста происшествія и поспѣшно вернулся домой. Тамъ я вскрылъ пактъ и обнаружилъ въ нмеъ огромную сумму. Дѣло усложнилось. Тогда я вспомнилъ о васъ и рѣшилъ отнести къ вамъ пакетъ и разсказать все случившіеся.

— Очень интересно. Гдѣ-же пакетъ, я его не вижу съ вами.

— Его у меня похители, когда я вышелъ на нѣсколько минутъ.

— Ого! Это становится забавнымъ. Куда же вы выходили, бросивъ безъ призора такое сокровище.

— Я вышелъ къ телефону предупредить одно знакомое семейство о томъ, что я сгодня не смогу быть къ обѣду, какъ обѣщалъ.

— Неосторожно, лучше бы они васъ напрасно прождали, чѣмъ рисковать такой потерей. Но продолжайте. Чрезвычайно запутанная исторія. Однако, мы постараемся ее распутать. Ну-съ, что же было дальше.

— Дальше? Обдумавъ все, я пришелъ къ заключе-

нію, что пакетъ похитили бандиты, которые, очевидно, слѣдили за мной.

— Это дѣлаетъ честь вашей проницательности.

— Однако, лишившись пакета, я не перемѣнилъ своего рѣшенія обратиться къ вамъ и просить вашего совѣта и помощи. Во время вашего посѣщенія вы внушили мнѣ такое довѣріе и симпатію, что я не колеблясь ввѣряюсь вамъ.

— Признаюсь, что такія же чувства внушили и вы мнѣ. А теперь позвольте мнѣ обдумать эту задачу, а затѣмъ точно отвѣтьте мнѣ на тѣ вопросы, которые я вамъ предложу, хотя бы эти вопросы и показались вамъ не идущими къ дѣлу.

Нѣсколько минутъ Акула сидѣлъ неподвижно въ глубокой задумчивости, не спуская съ Игоря своего умнаго и проницательнаго взгляда.

— Вотъ что, сказалъ онъ наконецъ, очевидно прійдя къ какому то заключенію, вашъ ребусъ можетъ имѣть два рѣшенія. Ну-съ! Начнемъ его разгадывать. Прежде всего скажите, съ кѣмъ вы говорили по телефону.

— Я, кажется, вамъ уже говорилъ это. Съ однимъ знакомымъ семействомъ.

— Да, вы говорили, но не могли же вы говорить сразу со всѣмъ семействомъ. Очевидно, вы говорили съ какимъ-либо однимъ лицомъ.

— Да, у телефона была дочь хозяйки.

— Чѣмъ же вы объяснили невозможность притти къ нимъ къ обѣду.

— Я сказалъ, что спучайно нашелъ очень цѣнный пакетъ и долженъ немедленно сдать его въ полицію. Я даже прибавилъ, что хочу это сдѣлать при вашемъ посредствѣ. Я еще раньше говорилъ имъ о нашемъ оригинальномъ знакомствѣ.

— Это очень цѣнное показаніе. Теперь, будьте доб-

ры, сообщить мнѣ фамилію этого семейства, изъ кого оно состоитъ, адресъ и номеръ телефона.

— Боже мой, но къ чему же это.

— Я уже предупреждалъ васъ, что вамъ придется отвѣчать на всѣ мои вопросы, даже повидимому не идущіе къ дѣлу.

— Но я бы не хотѣлъ вмѣшивать въ это дѣло такое почтенное семейство.

— А я все же буду настаивать, чтобы вы отвѣтили на мой вопросъ.

Игорю представилась всполошившаяся Прасковья Петровна въ случаѣ, если ее будетъ допрашивать полиція, ея ужасъ и гнѣвъ; тревога и горе Мери.

— Нѣтъ, сказалъ онъ рѣшительно, ужъ лучше я самъ расхлебаю эту исторію, но не буду безпокоить совершенно непричастныхъ къ ней лицъ.

— Мистеръ, я требую отвѣта.

— Я уже сказалъ нѣтъ, отвѣтилъ вставая Игорь. Я лучше откажусь отъ вашей помощи, чѣмъ стану запутывать въ это проклятое дѣло еще и другихъ лицъ.

— Сядьте, повелительно и холодно сказалъ сыщикъ.

Онъ позвонилъ. Въ ту же секунду дверь моментально открылась и на порогѣ появилась старуха. Въ правой рукѣ она держала револьверъ, а въ лѣвой наручники.

— Возьмите его, бабушка, на прицѣлъ, а наручники дайте мнѣ, произнесъ Акула; и, взявъ ихъ изъ рукъ старухи, быстро и ловко надѣлъ на Игоря.

— Сиди, сиди смирно молодчикъ, довольно прошамкала та, — я, какъ только увидѣла тебя, по твоей мошенической мордѣ узнала, что ты бандитъ.

Убѣдившись, что у Игоря нѣтъ оружія, сыщикъ опять сѣлъ противъ него въ кресло, насмѣшливо глядя на своего плѣнника блѣднаго и растеряннаго, совер-

шенно сбитаго съ толка и непонимавшаго, что съ нимъ происходитъ.

Теперь выслушайте меня мистеръ, началъ наконецъ Акула. — Долженъ вамъ сказать, что это я руководилъ сегодня преслѣдованіемъ бандитовъ. Когда мой автомобиль обстрѣлялъ похитителей и съ ними было покончено, я началъ обозрѣвать улицу, ища не скрываются ли еще гдѣ-нибудь ихъ соучастники и вдругъ увидѣлъ васъ, а въ вашихъ рукахъ пакетъ обернутый въ парусину, точно такой, какой, по описанію, былъ похищенъ изъ банка. Сначала я думалъ, что вы его случайно подняли, когда его бросилъ одинъ изъ бандитовъ. Однако вы, вмѣсто того, чтобы отдать его полиціи, начали искуссно маневрировать, пока не вышли изъ опасной зоны. Вамъ очень хотѣлось скрыться скорѣе, но вы прекрасно выдержали характеръ. Я не хотѣлъ отбирать у васъ пакетъ и рѣшилъ слѣдить далѣе. Вы вернулись къ себѣ. Въ замочную скважину я видѣлъ, какъ вы развязали его, осмотрѣли и потомъ запаковали, обернувъ бумагой, чтобы скрыть его настоящій видъ. Затѣмъ вы вышли. Я не зналъ, куда вы намѣрены итти, а оставлять на произволъ судьбѣ пакетъ не рѣшился. Я безъ труда открылъ дверь и взялъ пакетъ.

— Значитъ онъ у васъ, вскричалъ Игорь.

— Да, у меня и вы догадались, что пакетъ взяла полиція. Мой помощникъ донесъ, что вы говорите по телефону. Ясно, что вы извѣщали сообщниковъ, что добыча у васъ. Я отдалъ пакетъ помощнику, а самъ рѣшилъ продолжать слѣжку. Мнѣ было очень интересно знать, что вы предпримете, послѣ исчезновенія пакета и я надѣялся, что по вашимъ слѣдамъ я приду въ логовище преступниковъ, вы же привели меня прямо ко мнѣ. Признаюсь, ваша дерзость и находчивость поразили и восхитили меня. Такъ замести слѣды могъ только геніальный преступникъ. Правда, вы играли ва-банкъ, но

это былъ единственный исходъ изъ положенія. Вашу исповѣдь я почти предугадалъ, но вы не сумѣли подкрѣпить свои выдумки ни однимъ доказательствомъ. Вы упомянули о письмѣ бандитовъ, но сказали, что уничтожили его, о своей стрѣльбѣ по бронированному автомобилю вы раньше не говорили и, наконецъ, чтобы скрыть свои переговоры по телефону съ бандитами вы сослались на разговоръ съ какимъ то почтеннымъ семействомъ, адресъ и имя котораго не можете указать. Такимъ образомъ ваша связь съ преступнымъ міромъ очевидна. Вы являетесь его ловкимъ агентомъ, успѣвшемъ не только удачно выкрутиться изъ первой исторіи, но и завоевать симпатію и довѣріе глупаго агента полиціи Акулы. Однако, на этотъ разъ вы переиграли и ваша карта бита.

По мѣрѣ того какъ говорилъ сыщикъ Игорь все ниже и ниже опускалъ голову, чувствуя его неотразимую логику: зато бабушка, усѣвшаяся рядомъ съ нимъ, была въ восторгѣ, при каждой новой уликѣ она довольно кивала головой и ехидно подмаргивала Игорю.

Акула сдѣлалъ продолжительную паузу, а затѣмъ продолжалъ печальнымъ и задушевнымъ тономъ, удивившимъ Игоря своей мягкостью и грустью.

— Въ моей практикѣ, тихо началъ онъ, былъ одинъ очень тяжелый случай, воспоминаніе о которомъ до сихъ поръ гнететъ меня. Благодаря собраннымъ мною тяжкимъ и, казалось, неопровержимымъ уликамъ былъ осужденъ и казненъ невинный. Правда, это былъ пьяница съ очень плохой репутаціей, но все же, какъ потомъ выяснилось, онъ былъ не при чемъ. Съ тѣхъ поръ я сталъ очень, очень остороженъ. Можетъ быть его тѣнь спасла не одного человѣка отъ электрическаго стула. Вотъ и теперь, прежде чѣмъ вызвать полицейскій автомобиль и отправить васъ подъ арестъ, я въ послѣдній разъ предлагаю вамъ отвѣтить на мой вопросъ. Вѣдь, если, дѣй-

ствительно, подтвердится, что вы говорили по телефону не съ бандитами, а съ вашими знакомыми и, дѣйствительно, сказали имъ, что намѣрены отнести пакетъ мнѣ, то все обвиненіе противъ васъ разлетается въ прахъ. Вѣдь нелѣпо же думать, что похищенный съ такими жертвами и съ такимъ трудомъ пакетъ будетъ зачѣмъ то добровольно возвращенъ; кромѣ того, становится понятна ваша догадка о похищеніи его изъ вашей комнаты бандитами.

При послѣднихъ словахъ сыщика, Игорь немного ободрился и поднялъ опущенную голову, а бабушка нетерпѣливо игравшая револьверомъ недовольно заерзала на креслѣ.

— Мистеръ Томсонъ, отвѣтилъ онъ, я сказалъ вамъ чистую правду, и, если не называлъ вамъ этого семейства, то только потому, что не желаю навлекать на него непріятности.

— Вы навлечете на него гораздо большія, если будете упорствовать, такъ какъ, все равно, я прикажу навести справки и разыскать его, если оно вообще существуетъ. Если же вы скажете все сейчасъ, то дѣло можетъ ограничиться однимъ короткимъ моимъ вопросомъ, дѣйствительно ли вы телефонировали туда и что сказали.

— И если мои слова подтвердятся, вы больше не будете ихъ безпокоить.

— Не только ихъ, но и васъ, такъ какъ тогда вы окажетесь не виновны.

— Тогда освободите мои руки и я напишу вамъ все ,что вы требуете.

— Ишь, что придумалъ ехида, всполошилась старуха, ручки ему освободить.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше на словахъ скажите, замѣтилъ Акула.

— Вы врядъ-ли хорошо разберетесь въ русскихъ

именахъ и фамиліи, тогда лучше, если уже не довѣряете мнѣ, возьмите въ моемъ боковомъ карманѣ портфель, въ немъ есть визитная карточка этой дамы съ адресомъ и номеромъ телефона.

— Прекрасно, сказалъ сыщикъ, доставая карточку, теперь скажите, какъ зовутъ дочь хозяйки, съ которой вы говорили, и самымъ точнымъ образомъ повторите мнѣ то, что ей сказали.

— Дочь зовутъ миссъ Мери, а суть нашего разговора я уже вамъ передалъ.

— Нѣтъ, вы мнѣ повторите его слово въ слово такъ, какъ будто бы вы говорите по телефону.

— Хорошо. Я сказалъ: «Миссъ Мери, будьте добры передать вашей мамѣ, что я прошу простить меня, но къ обѣду, какъ обѣщалъ, притти не могу, такъ какъ мнѣ подбросили очень цѣнный пакетъ и я хочу немедленно отнести его и сдать, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, тому сыщику, о которомъ я вамъ раньше говорилъ, опмните, мистеру Томсону». Ну вотъ и все.

— Ну вотъ и превосходно. Эй бабушка! Поосторожнѣе тамъ со своей машинкой, она, можетъ быть, и не понадобится.

Старуха перестала вертѣть въ рукахъ револьверъ, недовольно пожевала губами и что то проворчала себѣ подъ носъ

— Ну-съ, а теперь провѣримъ ваши слова, право я отъ всей души желаю, чтобы они оправдались.

— Вѣчно потакаетъ жуликамъ, пока самого не прикончатъ, ворчала бабушка.

Акула подошелъ къ телефону и позвонилъ по указанному ему адресу.

— Сидите смирно и не произносите ни одного слова, строго сказалъ онъ взявъ трубку.

— Алло, алло. Кто у телефона? Прислуга! Попросите, пожалуйста, миссъ Мери.

Прошло минутъ пять въ полномъ молчанiи, пока сыщикъ услышалъ въ трубку голосъ дѣвушки.

— Кто спрашиваетъ?

— Миссъ Мери?

— Да.

— Будьте любезны, миссъ, скажите пожалуйста, не у васъ ли мистеръ Игорь.

— Нѣтъ, его нѣтъ.

— Но онъ мнѣ сказалъ, что долженъ у васъ обѣдать.

— Да онъ обѣщалъ быть, но потомъ позвонилъ и сказалъ, что не сможетъ притти.

— Въ которомъ часу онъ звонилъ къ вамъ.

— Около часа дня, но кто это спрашиваетъ.

— Спрашиваетъ агентъ полицiи Томсонъ.

— Ахъ Акула!

— Если такъ вамъ больше нравится, то Акула.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, простите мистеръ Томсонъ, послышался смущенный голосъ Мери, это мнѣ Игорь, то-есть мистеръ Игорь говорилъ, что васъ такъ прозвали бандиты.

— А что онъ вамъ говорилъ?

— О, очень много хорошаго о васъ, вы ему такъ понравились. Онъ собирался сегодня быть у васъ.

— Я очень радъ миссъ, что вы слыхали обо мнѣ съ хорошей стороны, такъ какъ я могу надѣяться, что вы довѣритесь мнѣ и въ точности исполните мою просьбу.

— Что-нибудь случилось?

— Да, очень серьезная и непрiятная вещь, но все можетъ кончится вполнѣ благополучно, если вы ничего не пропуская, понимаете, ни одного слова, повторите мнѣ то, что сказалъ вамъ по телефону мистеръ Игорь. Не хочу васъ пугать, но долженъ предупредить, что отъ вашего отвѣта зависитъ его судьба.

— Ахъ Боже мой, опять должно быть эти ужасные бандиты и этотъ проклятый пакетъ.

— Миссъ Мери, не волнуйтесь такъ. Постарайтесь возстановить точно въ своей памяти всѣ сказанныя вамъ слова ничего отъ себя не прибавляя, но ничего, также, не пропуская.

— Но, Боже мой, какъ же такъ слово въ слово и ничего не пропуская. Я, право, такъ не могу.

— Миссъ Мери, это необходимо. Довѣрьтесь мнѣ, не скрывайте ничего изъ того, что онъ говорилъ, ради его же спасенія.

— Но въ чемъ же дѣло, что случилось.

— Больше того, что я вамъ уже сказалъ, я не имѣю права ничего прибавить. Повторяю, что отъ точности и полноты вашего отвѣта зависитъ, можетъ быть, даже его жизнь.

Во время этого разговора, изъ котораго онъ слышалъ только половину, Игорь сидѣлъ какъ на иголкахъ и только присутствіе бабушки, недвусмысленно поглаживавшей дуло револьвера, удерживало его отъ вмѣшательства.

— Мистеръ Томсонъ, опять спросила Мери, — что собственно вы хотите знать.

— Рѣшительно все, миссъ, и долженъ васъ предупредить, что, если вы не скажете этого сейчасъ же, то въ дальнѣйшемъ ваше показаніе потеряетъ свою цѣнность, такъ какъ могутъ подумать, что оно дано подъ чьимъ либо вліяніемъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія въ трубку послышался вздохъ.

— Мистеръ Томсонъ.

— Я васъ слушаю миссъ.

— Вы говорите, что необходимо слово въ слово.

— Да миссъ!

Опять вздохъ.

— Хорошо, мистеръ Томсонъ, я покоряюсь... я... я... вамъ довѣряю... я... я... все скажу... только вы... ну да, ужъ все равно... ну... вотъ... онъ... ну Игорь сказалъ такъ: «Голубка Мери, я къ обѣду не смогу притти, такъ какъ мнѣ подсунули очень цѣнный пакетъ и я хочу, во избѣжаніе недоразумѣній, сейчасъ же отнести его мистеру Томсону, или Акулѣ, помнишь, о которомъ я говорилъ тебѣ. Ну обнимаю тебя крѣпко. Спѣшу. Не тревожься. Цѣлую мои...

— Довольно, довольно, миссъ, поспѣшно закричалъ Томсонъ. — Сказаннаго вами вполнѣ достаточно для выясненія полной невинности мистера Игоря. Черезъ нѣсколько минутъ онъ самъ поговоритъ съ вами и успокоитъ васъ. Мы только выполнимъ нѣкоторыя формальности. Прошу извинить за безпокойство.

Формальности заключались въ томъ, что онъ освободилъ руки Игоря отъ оковъ и услалъ старуху.

— Спасибо бабушка, ласково сказалъ онъ ей, — прячьте вашу пушку и идите отдыхать.

— Вотъ всегда такъ, огрызнулась старуха, съ сердцемъ сунувъ въ карманъ передника дѣйствительно похожій на пушку револьверъ, — только даромъ безпокоятъ.

— Славная старушка, посмотрѣлъ ей вслѣдъ Томсонъ. — Немного тронулась бѣдняга, а въ сущности предоброе существо. Ну-съ дорогой, мистеръ Игорь, надѣюсь вы не очень сердитесь на меня.

— Мистеръ Томсонъ, отвѣчалъ Игорь, протягивая обѣ руки, только вамъ я обязанъ своимъ спасеніемъ, я прекрасно понимаю всю тяжесть обрушившихся на меня уликъ и благодарю Бога, что онъ надоумѣлъ меня обратиться къ вамъ. Примите же мою сердечную благодарность и, если позволите, искреннюю дружбу.

— Охотно, охотно, мистеръ Игорь, я самъ чрезвычайно радъ, что мое первое впечатлѣніе о васъ оказа-

лось правильнымъ. Симпатія обоюдная, можетъ быть благодаря нашему сходству.

— Ну, относительно сходства вы помалкивайте и ничего не говорите бабушкѣ, такъ какъ она нашла, что у меня мошенническая рожа.

Сыщикъ весело разсмѣялся.

— Ну, ничего, сказалъ онъ, я васъ помирю. А теперь, дорогой мистеръ, я пойду гримироваться, а вы идите къ телефону и скорѣе успокойте свою невѣсту.

— Какую невѣсту?

— Ну миссъ Мери, конечно.

— Почему же вы думаете, что она моя невѣста.

— Ну, дорогой, я бы былъ никуда негоднымъ сыщикомъ, если бы этого не зналъ, скажу болѣе, я подсмотрѣлъ въ телефонную трубку, что у нея на рукѣ красуется тотъ самый браслетъ, которымъ я любовался у васъ. Могу еще добавить, что у нея пріятный мягкій голосъ, что она очень, очень молодая и потому неопытна и немного наивна.

— Да вы волшебникъ, Томсонъ!

— Ну, не совсѣмъ. Однако берите скорѣе трубку, да не забудьте передать отъ меня миссъ Мери, что я восхищенъ точностью ея показаній и шлю ей искренній привѣтъ.

Когда сыщикъ вернулся въ преображенномъ видѣ, Игорь встрѣтилъ его весело улыбаясь.

— Ну, я открылъ секретъ вашего всевѣдѣнія. Это Мери съ точностью фонографа воспроизвела мой разговоръ съ ней. Дѣйствительно наивный ребенокъ.

— Да, и, благодаря этой наивности, не возможно было сомнѣваться въ ея искренности, серьезно отвѣтилъ Томсонъ. Однако, займемся теперь дѣлами. Васъ, конечно, вызовутъ для дачи показаній по этому дѣлу. Вы говорите правду, какъ и мнѣ, но только не упоминайте о письмѣ и о своей стрѣльбѣ, такъ какъ стрѣлять въ

полицію не полагается, и за это васъ могутъ посадить. Въ своемъ рапортѣ я подтвержу всѣ ваши показанія и не только обѣлю васъ, но даже укажу, что и вамъ слѣдуетъ исходатайствовать у банка награду. Своему помощнику я тоже объясню въ чемъ дѣло, и онъ дастъ анологичныя показанія. Конечно, нечего и говорить, что миссъ Мери безпокоить не будутъ.

— Знаете что, возразилъ Игорь, я не хочу никакихъ наградъ и лучше всего, чтобы я поменьше фигурировалъ въ этомъ дѣлѣ.

— Тутъ дѣло не въ самой наградѣ, а въ томъ, чтобы ваша роль въ дѣлѣ не была ролью въ чемъ-то подозрѣваемою, а наоборотъ, ролью человѣка косвенно содѣйствовавшаго находкѣ пакета. Ну, а теперь нужно спѣшить заканчивать это дѣло, съ нимъ еще будетъ много возни для меня.

Сыщикъ позвонилъ, но, очевидно, какъ то иначе, такъ какъ старуха пришла на этотъ разъ безъ своей пушки.

— Ну, бабушка, мы уходимъ. Вы не сердитесь. Этотъ джентльменъ русскій мистеръ Игорь, запомните, онъ мой пріятель?

— Пріятель? Старуха недовѣрчиво покосилась на Игоря, однако недовольное выраженіе ея лица нѣсколько смягчилось.

— Да, пріятель и вовсе не бандитъ.

— Глаза у него какъ-будто честные.

— Ну вотъ! Его самого схватили и чуть не убили бандиты. Вы вглядитесь въ него хорошенько и запомните. На кого онъ похожъ по вашему.

Вдругъ морщинистое лицо старухи еще болѣе сморщилось, щеки запрыгала и она заплакала.

— На Чарли, на младшенькаго, проговорила тихо она, вытирая концомъ передника мокрые глаза и покраснѣвшій носъ. Въ жалкомъ лицѣ ея не было ни преж-

ней злобы, ни отпечатка безумія, а только одно скорбное выраженіе горя матери.

Прошло двѣ недѣли. Какъ предсказывалъ сыщикъ, Игоря вызвали къ допросу только одинъ разъ и больше не безпокоили. Самъ Томсонъ заходилъ къ нему довольно часто, и ихъ чувство взаимной симпатіи все болѣе крѣпло.

Игорь привыкъ уже къ его переодѣваніямъ и не смущался, когда въ его комнатѣ появлялся то незнакомый глубокій старикъ, то инвалидъ, то какой-нибудь не внушающій довѣрія типъ. Въ одно изъ посѣщеній сыщикъ сообщилъ, что ему назначена банкомъ очень крупная награда и что есть надежда, что и на долю Игоря кое-что перепадетъ. Дѣйствительно, вскорѣ Игорь получилъ приглашеніе явиться въ банкъ. Его очень любезно принялъ самъ директоръ; чисто выбритый упитанный господинъ, — очень вѣжливый, но съ оттѣнкомъ того превосходства, которое даетъ обладаніе милліонами.

— Васъ очень рекомендовалъ мистеръ Томсонъ; по его словамъ, вы въ значительной степени помогли ему въ извѣстномъ вамъ дѣлѣ. Сейчасъ, въ виду общаго кризиса, мы не можемъ предложить вамъ, какъ бы того хотѣли, крупной суммы, но вотъ въ этомъ пакетѣ вы найдете акціи мексиканскаго рудника «Серебряное Руно», правда, онѣ сейчасъ не особенно въ цѣнѣ, но мы беремъ, какъ говорится, не качествомъ, а количествомъ. Онъ протянулъ Игорю толстый конвертъ и отпустилъ его легкимъ наклоненіемъ головы.

Конечно, Игорю нетерпѣлось узнать содержимое пакета и онъ зашелъ въ первое же кафэ, за отдѣльнымъ столикомъ раскрылъ его и еле удержалъ крикъ изумле-

нія. Въ пакетѣ было пятьдесятъ акцій «Серебрянаго Руна» по одной тысячѣ долларовъ каждая. Какъ бы низко онѣ не стояли, это все же маленькое состояніе. Неужели его мечта близка съ осуществленію. Онъ бросилъ недопитое кофэ и помчался въ ближайшій банкъ.

— Почемъ стоятъ акціи «Серебряное Руно».

— «Серебряное Руно»? Мы вамъ можемъ продать по три доллара за тысячу.

— По три доллара, крикнулъ Игорь!

— Ну хорошо... даже по два.

— Но я хочу продать.

— Простите, мы этихъ акцій не покупаемъ.

Въ слѣдующемъ банкѣ, нѣсколько пришедшему въ себя Игорю, объяснили, что этотъ рудникъ давно уже истощился, даетъ одни убытки, и его акцій никто не покупаетъ.

Тогда Игорь рѣшилъ попробовать сбыть эти акціи почемъ попало въ какой-нибудь частной конторѣ. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, онъ нашелъ такую, пріютившуюся въ одной небольшой комнаткѣ. Совершенно не нужно было быть сыщикомъ, чтобы сразу опредѣлить національность одиноко сидѣвшаго за конторкой человѣка. Едва только Игорь заговорилъ, какъ тотъ сейчасъ же остановилъ его.

— Позвольте, по вашему діалекту я вижу, что вы русскій.

— Да, русскій, улыбнулся Игорь.

— Но вѣдь это же замѣчательно! Я тоже русскій. А вы сами откуда.

— Изъ Москвы.

— А я изъ Одессы. Ахъ что за городъ, что за городъ. У меня тамъ ювелирный магазинъ былъ.

— Какъ же вы тутъ банкиромъ стали.

— Ну, не всѣ же святые горшки лѣпятъ. Почему,

если Троцкій, простой портняга, сталъ главнокомандующимъ, я не могу быть банкиромъ. Пхэ!

— Я вотъ зашелъ къ вамъ по дѣлу. Не купите ли вы, или не поможете ли продать однѣ акціи.

— Почему нѣтъ!

— Мексиканскія акціи «Серебрянаго Руна».

— «Серебрянаго Руна», лицо банкира изъ Одессы сразу сдѣлалось кислымъ.

— Игдѣ же ви ихъ подняли?

— Какъ поднялъ, удивился Игорь.

— Навѣрно ихъ кто-нибудь выбросилъ изъ окна на улицу.

— Почему?

—Но это же не акціи, это же попорченная бумага.

— Однако, когда думали, что я хочу ихъ купить съ меня просили по два доллара за тысячу.

— Почему не просить. Хотите я продамъ вамъ вчерашнюю газету за одинъ долларъ. Но какой же дуракъ дѣлаетъ такія покупки.

— Значитъ нельзя продать?

— Послушайте сюда, что я вамъ скажу. Если вамъ нужны деньги, вы лучше принесите мнѣ что-нибудь изъ своихъ вещей: у русскихъ всегда есть то кольцо, то браслетъ. Я всегда помогаю своимъ и покупаю ихъ, а то могу даже дать ссуду, конечно, возьму процентъ, но это пустякъ; главное выручить человѣка.

Отъ банкира Игорь вышелъ повѣсивши носъ. Вспыхнувшая было надежда быстро погасла и ему сдѣлалось еще болѣе тяжело на душѣ. Вернувшись къ себѣ, онъ сердито швырнулъ конвертъ въ ящикъ комода и, сѣвъ въ кресло, печально пригорюнился. Изъ задумчивости его вывелъ легкій стукъ въ дверь. Когда онъ ее открылъ, въ комнату вошелъ старикъ съ длинной сѣдой бородой. Это былъ любимый гримъ Томсона. Онъ опирался на толстую палку и сильно хромалъ.

— Я къ вамъ по очень для васъ интересному дѣлу сэръ, сказалъ онъ любезно поздоровавшись.

— Ну, на этотъ разъ вы меня не надуете, я сразу узналъ васъ.

— Я и не собираюсь васъ надувать, сэръ, обидѣлся старикъ.

— Ладно, ладно, кладите вашу бороду на комодъ и располагайтесь въ креслѣ.

— Бороду на комодъ!

— Да! и давайте мнѣ свою палку-митральезу, я ее поставлю въ уголъ, нечего вамъ ковылять, вы и такъ прекрасно дойдете до кресла, сказалъ смѣясь Игорь и, вырвавъ палку, поставилъ ее около двери.

Когда онъ обернулся къ старику, онъ увидѣлъ его безпомощно стоявшимъ по серединѣ комнаты съ трясущейся отъ гнѣва бородой.

— Ого, Томсонъ, вы превосходный артистъ и напрасно не перемѣните своей профессіи на Холливудъ.

— Къ черту Томсона, Холливудъ и васъ вмѣстѣ съ ними, въ бѣшенствѣ прокричалъ старикъ. — Давайте сейчасъ же мою палку, сумасшедшій дуракъ. Онъ въ припрыжку, на одной ногѣ, поскакалъ къ двери.

— Послушайте сэръ, встревожился наконецъ Игорь, я можетъ быть, дѣйствительно, ошибся...

Но старикъ не слушалъ его. Доскакавъ до двери, онъ схватилъ свою палку и, тяжело дыша, выковылялъ изъ комнаты. Напрасно Игорь провожалъ его своими извиненіями, только у самаго выхода онъ пріостановился и нѣсколько смягчился.

— Не всегда, сэръ, фортуна приходитъ къ человѣку въ видѣ прелестной женщины съ рогомъ изобилія въ рукахъ. Сейчасъ счастье приходило къ вамъ въ образѣ хромого старика. Вы сами оттолкнули его. Прощайте сэръ.

Игорь такъ и не узналъ, кто былъ этотъ таинственный старикъ.

Вечеръ этого дня Игорь провелъ у Мери, жалуясь на свою судьбу.

— Зато, посмотри, какъ счастливы Аня и Миша; вотъ, прочти ихъ летучку:

«Хотя приземлились въ Филадельфіи, но продолжаемъ безпрерывно пребывать на седьмомъ небѣ.

Миша.

Цѣлую Аня».

— Впрочемъ, чего же я хнычу, улыбнулся Игорь и, нѣжно заглянувъ въ глаза Мери, сталъ цѣловать ея руки.

Дня черезъ три къ Игорю зашелъ Томсонъ, и тотъ разсказалъ ему о посѣщеніи страннаго старика. Сыщикъ отъ души смѣялся и пообѣщалъ заняться этимъ дѣломъ.

— Отчасти я виновникъ вашей неудачи и потому постараюсь разыскать вашу бородатую фортуну. Я, кажется, скоро ликвидирую шайку «Вѣрныхъ Друзей» и тогда у меня будетъ болѣе свободнаго времени. Надняхъ я арестовалъ извѣстнаго вамъ шоффера Кука. Спасая свою голову, онъ развязалъ языкъ. Можетъ быть, даже сегодня... Но я не люблю загадывать впередъ.

Поболтавъ еще немного, Томсонъ сталъ прощаться.

— Я пойду съ вами, сказалъ Игорь, — мнѣ нужно кое-что купить.

— Не совѣтую; погода чертовская.

— Не бѣда, мнѣ не далеко.

Когда они вышли на улицу, погода, дѣйствитель-

но, оказалась ужасной. Съ рѣдкихъ прохожихъ вѣтеръ срывалъ шляпы, выворачивалъ имъ зонтики и обильно поливалъ дождемъ. Ослѣпленные, поднявъ свои воротники и придерживая шляпы, они не прошли и сотни шаговъ, какъ изъ-за угла вышла группа людей и стремительно набросилась на нихъ. Перваго нападавшаго Игорь успѣлъ оттолкнуть, но другой оглушилъ его ударомъ, а сзади набросили ему на голову плащъ. Приторный сладковатый запахъ затуманилъ его голову; какъ во снѣ онъ услышалъ нѣсколько выстрѣловъ и потерялъ сознаніе.

Когда, нѣсколько часовъ спустя, Игорь очнулся, онъ почувствовалъ, что лежитъ на голомъ полу въ полной темнотѣ. Голова невыносимо болѣла, а во рту чувствовался отвратительный вкусъ хлороформа.

Съ трудомъ поднявшись, онъ нащупалъ стѣны и запертую дверь. Въ небольшомъ чуланѣ, куда его бросили, не было ни оконъ, ни мебели.

— «Гдѣ онъ? Что съ нимъ». Мысли путались. Онъ плохо соображалъ. — «Почему нѣтъ Томсона; спасся ли онъ? Если да, то есть еще надежда. Попытаться развѣ выбраться? Открыть дверь? Но какъ взломать однѣми руками замокъ». Игорь въ отчаяніи опустился на полъ, тупо смотря въ темноту. Время тянулось мучительно медленно. Гдѣ-то далеко часы пробили полночь, потомъ часъ. Прислонившись къ стѣнѣ, онъ незамѣтно для себя задремалъ.

Разбудилъ его звукъ отпираемой двери. Блеснули и ослѣпили его фонари, и въ камору вошло два человѣка въ черныхъ плащахъ и маскахъ. Игорь поднялся. Ни слова не говоря, они взяли его и повели по какимъ то коридорамъ. Шли не долго и, наконецъ, ввели его въ большую ярко освѣщенную залу. Противъ самой двери онъ увидѣлъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ, а за нимъ знакомую отвратительную фигуру начальника

шайки. По объ стороны стола стояло около тридцати бандитовъ закутанныхъ въ плащи, всѣ въ черныхъ маскахъ, а передъ нимъ какой-то довольно потрепанный субъектъ, лицо котораго носило явные слѣды бурно проведенныхъ ночей.

Игорь не догадывался, что ему приходится присутствовать при рѣдкомъ зрѣлищѣ суда бандитовъ надъ товарищемъ. По обычаю, обвинителемъ былъ глава шайки, онъ же долженъ былъ предлагать и самое суровое наказаніе — то-есть смерть. Остальные члены выражали свое мнѣніе молчаливымъ поднятіемъ рукъ; и вопросъ рѣшался большинствомъ голосовъ. Если смерть отвергалась, то любой изъ членовъ могъ предложить свое наказаніе, и тогда на голосованіе ставились наказанія по степени ихъ суровости. Плащи же и маски надѣвались для того, чтобы сдѣлать голосованіе тайнымъ.

— Питеръ! продолжалъ начальникъ, не обративъ вниманіе на Игоря, — Питеръ! Ты не только пьянствовалъ цѣлыхъ двѣ недѣли и не исполнялъ нашихъ порученій, но ты пьянствовалъ съ нашими врагами изъ банды Рябого Сама. Есть основанія предполагать, что ты выболталъ имъ наши планы, такъ какъ они перебили у насъ нѣсколько интересныхъ дѣлъ. Что ты пропойца, мы давно знаемъ, но ты сталъ теперь предателемъ. Ну, говори!

—Джентельмены! Странно обвинять человѣка въ томъ, что онъ выпилъ лишнее. Я же не младенецъ, чтобы сосать цѣлый день одну бутылку. Что же касается членовъ сотрудниковъ общества Рябого Сама, съ которыми я случайно познакомился за буфетомъ, то не могу же я, прежде чѣмъ выпить съ какимъ-либо джентльменомъ, требовать у него свидѣтельство отъ полиціи о благонадежности. Правду сказать, мы больше пили, чѣмъ говорили; и будь я проклятъ, если помню о чемъ: это такъ же невозможно знать, какъ и число опорож-

ненныхъ бутылокъ. Джентльмены! Любителемъ хорошо выпить, или пропойцей, какъ вамъ угодно было окрестить меня, я былъ, есть и буду всегда, но... предателемъ — никогда! Я кончилъ.

— Предлагаю пристрѣлить, сказалъ начальникъ.

Ни одна рука не поднялась.

— Набить ему морду и все тутъ, раздался одинъ голосъ.

— Влить ему въ глотку пять штофовъ чистаго спирта, если попадется еще разъ.

— Если впродолженіи пяти дней, то это ничего, пріободрился повеселѣвшій Питеръ.

— Ты мнѣ не шути, прикрикнулъ на него начальникъ. — Голосую второе предложеніе.

Всѣ руки поднялись.

— Ну ступай, да смотри мнѣ, въ другой разъ такъ легко не отдѣлаешься. Ну, а теперь займемся вотъ этимъ молодчикомъ.

Онъ, точно Вій, съ трудомъ поднялъ свои толстыя громадныя вѣки и устремилъ на Игоря холодный тусклый взглядъ; и тому казалось, будто сама могила раскрылась и смотритъ на него своей черной безпощадной пастью.

— Отвѣчай, безъ обиняковъ, за что ты получилъ изъ банка «Чикаго Кредитъ» пятьдесятъ тысячъ долларовъ!

Игоръ вздрогнулъ и растерялся, онъ никакъ не ожидалъ такого вопроса.

— Никакихъ пятидесяти тысячъ я не получалъ, а дали мнѣ ничего не стоющія акціи «Серебрянаго Руна», машинально отвѣтилъ онъ.

Начальникъ довольно разсмѣялся и потеръ свои руки.

— Узнаю старую лису Адамса, онъ и намъ подсунулъ было какую то дрянь, но мы его хорошо проучи-

ли. Однако это все равно, сколько бъ они тебѣ ни дали... Но за что, за что, негодяй!

Игорь понялъ, что онъ погибъ. Что онъ могъ имъ отвѣтить. Онъ угрюмо молчалъ, чувствуя, что на этотъ разъ, нѣтъ спасенія.

— Отвѣчай!!

Игорь молчалъ.

— Плетей!! крикнулъ въ бѣшенствѣ начальникъ и такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что все на немъ запрыгало и задребезжало. — Плетей!! А если не поможетъ, то мы тебя покачаемъ вотъ на той качелькѣ, онъ указалъ на уголъ, гдѣ съ потолка спускалась перекинутая черезъ блокъ веревка.

— «Дыба», подумалъ Игорь и нервная судорга, сжавъ его горло, пробѣжала по спинѣ, спустилась въ ноги и онѣ стали подгибаться, точно сдѣланныя изъ тѣста. Однако, онъ пересилилъ свое волненіе и взялъ себя въ руки. — «Я дорого продамъ имъ свою жизнь и не позволю мучить», рѣшилъ онъ, и съежившись, собравшись весь въ напряженный мускульный комокъ, готовый, какъ стальная пружина расправиться и броситься на враговъ, онъ сталъ ожидать приближавшихся къ нему съ толстыми четырехвостными плетьми мучителей.

Вдругъ, одинъ изъ бандитовъ, стоявшій у стола, выступилъ впередъ и сорвалъ съ себя маску.

— Руки вверхъ, властно крикнулъ онъ, направляя свой револьверъ на начальника. Почти половина замаскированныхъ сняла маски и тоже подняла оружіе.

— Акула! крикнулъ начальникъ и схватился за свой браунингъ.

Бандиты оказали отчаянное сопротивленіе, ни одна рука не поднялась, никто не сдался.

Полиція дала залпъ; многіе изъ нихъ попадали, но уцѣлѣвшіе начали энергично отстрѣливаться и броси-

лись къ выходу, однако и тамъ ихъ тоже ждала полиція. Домъ былъ окруженъ. Вдругъ одинъ изъ спасавшихся повернулъ кнопку и погасилъ электричество. Блеснуло еще нѣсколько выстрѣловъ и перестрѣлка замолкла. Въ темнотѣ слышались только стоны раненыхъ и тихій шорохъ крадущихся шаговъ. Вдругъ рѣзкій полицейскій свистокъ разорвалъ тишину; въ отвѣтъ изъ коридора послышались другіе и Игорь услышалъ быстрые шаги бѣгущихъ съ фонарями людей.

— «Они представляютъ прекрасную цѣль», подумалъ онъ. — «Изъ темноты ихъ легко могутъ перестрѣлять бандиты. Нужно помочь».

По счастью, кнопка отъ электрическаго выключателя находилась около него и онъ видѣлъ, какъ ее повернули. Поспѣшно, нащупавъ ее, онъ открылъ свѣтъ, и тогда глазамъ его представилось странное зрѣлище. Всѣ находившіеся въ залѣ сидѣли на корточкахъ вытянувъ передъ собой вооруженныя руки. Можно было видѣть бандита, сидѣвшаго противъ полицейскаго, или же рядомъ съ нимъ, и, наоборотъ, полицейскаго направившаго свой револьверъ на товарища. Темнота все спутала и перемѣшала. Но лишь только блеснулъ свѣтъ, какъ опять затрещали выстрѣлы, и снова началась борьба. Впрочемъ, она продолжалась не долго. Слишкомъ значителенъ былъ перевѣсъ полиціи и слишкомъ неожиданно было ихъ нападеніе, чтобы сопротивленіе могло долго продолжаться. Скоро все стихло, и Игорь увидѣлъ подходящаго къ нему съ протянутой рукой Томсона. Лицо его было все въ крови, но онъ весело улыбался.

— Вы ранены, вскрикнулъ Игорь.

— Пустяки! Немного таки царапнули, но зато шайка «Вѣрныхъ Друзей» окончательно ликвидирована, а ихъ глава лежитъ тамъ подъ столомъ съ прострѣлен-

ной головой; не только вы умѣете хорошо стрѣлять, добавилъ онъ.

— Но какъ же вы спаслись отъ бандитовъ, напавшихъ на насъ, и очутились здѣсь?

— Я успѣлъ отъ нихъ отбиться, но освободить васъ, благодаря ихъ численному превосходству, не могъ. Тогда, я полетѣлъ къ Куку. Онъ еще раньше сказалъ мнѣ, что сегодня ночью долженъ быть судъ надъ ихъ товарищемъ Питеромъ Пропойцей; очень было вѣроятно, что и васъ заодно повезутъ туда. Такъ какъ на судъ всѣ являлись замаскированными, то я, взявъ сильный отрядъ полиціи, одѣлъ его въ черные плащи, а лица прикрыли масками. По описанію Кука, мы безъ труда нашли домъ, перевязали наружную охрану, принявшую насъ за своихъ, и проникли въ залу. Входили мы постепенно, чтобы не возбуждать подозрѣнія, а пароль открылъ намъ Кукъ. Правда, передъ началомъ суда, начальникъ выразилъ удивленіе, что собралось такъ много членовъ шайки, но, въ общемъ, маскарадъ нашъ удался. Остальное вы знаете, такъ какъ сами были всему свидѣтелемъ. Ну, а теперь отправляйтесь домой, а то мнѣ еще очень много дѣла, да и вамъ нужно хорошенько отдохнуть: ишь, какую шишку посадили они вамъ на голову. Теперь можете спать спокойно, съ вашими пріятелями покончено.

Игорь сердечно пожалъ сыщику руку и, не помня себя отъ радости, бросился домой.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Игорь получилъ, наконецъ, мѣсто, которое обѣщало ему въ будущемъ довольно солидное положеніе. Жизнь снова потекла ровно и спокойно. Судьбѣ видимо надоѣло играть съ нимъ и она занялась другими лицами. Такъ: Миша проигрался въ пухъ и, чтобы спасти положеніе, Аня попробовала свои артистическія способности, которыя оказались

выдающимися, а сама она фотоженичной. Эта дѣятельность пришлось ей по душѣ, и она не оставила ее даже и послѣ того, когда счастье вновь вернулось къ Мишѣ.

Женя вышла замужъ за господина съ крупнымъ брилліантомъ на перстнѣ. И его и перстень она прибрала къ рукамъ, такъ какъ предпочла имѣть его на своемъ пальцѣ. Онъ послушно ходитъ съ ней по магазинамъ и покорно носитъ за ней ея покупки.

Томсонъ по прежнему охотится за бандитами и не особенно давно былъ раненъ ими въ ногу, такъ что началъ, и вправду, прихрамывать.

Прасковья Павловна все чаще и чаще стала страдать мигренью.

Наконецъ насталъ день рожденія Мери. Ввиду недомоганія Прасковьи Павловны, приглашеній не было и только одинъ Игорь пришелъ со своими подарками и букетомъ.

— Меня очень безпокоитъ мама, обратилась Мери къ нему, ласково поблагодаривъ за поздравленіе и подарки. — Ее такъ волнуетъ эта противная биржа. Я въ этомъ ничего не понимаю. Пойди къ ней и, если можешь, немного успокой.

Когда Игорь вошелъ въ комнату Прасковьи Павловны, она полулежала въ креслѣ, обложенная подушками, съ головой обмотанной полотенцемъ, а небольшой круглый столикъ, стоящій около нея, былъ заставленъ баночками, бутылочками и флакончиками съ разными цѣлебными спиртами и солями; вокругъ же кресла валялись разбросанные свѣжіе биржевые бюллетени.

Когда Игорь поцѣловалъ ея руку и поздравилъ съ днемъ рожденія Мери, она схватила одинъ изъ бюллетеней и, потрясая имъ въ воздухѣ, возмущенно обратилась къ нему:

— Нѣтъ, каково вамъ покажется, что творится на свѣтѣ. Самыя солидныя бумаги падаютъ, а другія год-

ныя только на обертку вдругъ поднимаются, да еще какъ.

— Ну полно вамъ волноваться, Прасковья Павловна; Богъ дастъ, все войдетъ въ норму.

— Вамъ хорошо говорить: «не волноваться», а вотъ, посмотрите, читайте сами; мои вѣрнѣйшія металлургическія опять упали на два пункта, а мексиканскія «Серебряное Руно», которымъ мѣсяцъ назадъ была грошъ цѣна, котируются вдвое противъ номинала.

— Какъ вы сказали, вскочилъ Игорь, мексиканскія «Серебряное Руно».

— И вы Игорь, съ упрекомъ остановила его Мери.

— Да, да, «Серебряное Руно», а что? спросила Прасковья Павловна.

— Да у меня ихъ на пятьдесятъ тысячъ, воскликнулъ Игорь.

— У васъ, гдѣ же онѣ.

— Валяются въ комодѣ.

— Да вы съ ума сошли, Прасковья Павловна сорвала съ головы полотенце, — такую цѣнность держать въ комодѣ. Да понимаете ли вы, что вы теперь милліонеръ. Охъ, дай мнѣ воды Мери. Прасковья Павловна вскочила съ кресла. — Довѣрьте только мнѣ ваши бумаги, а ужъ я ихъ доведу до ума.

— А вы довѣрьте мнѣ теперь Мери.

— Да вы и такъ давно ее взяли, развѣ отъ вашего брата спрячешься; никакой сейфъ не спасетъ. Кстати, хорошо, что къ слову пришлось: сейчасъ же наймите сейфъ, летите домой и переложите туда ваши акціи, вѣдь вы знаете: въ рудникѣ нашли новую богатѣйшую жилу. Охъ, дай мнѣ еще воды Мери. Ну нечего руки цѣловать. Нужно скорѣе на биржу: узнать все по подробнѣе. Мери, давай скорѣе шляпу. Фу, какая одышка!

Константинъ Константиновичъ, намекавшій послѣднее время, что старая Корчагина должно быть скоро лопнетъ, вдругъ перемѣнилъ фронтъ и разнесъ по всей русской колоніи сенсаціонную новость.

Благодаря какой то хитрой комбинаціи «бандита», ея дѣла вдругъ поправилась и они выдаетъ за него свою дочь.

Свадьба Мери и Игоря состоялась очень скоро. Хотя приглашеній не было, но въ церкви собралось народу не мало. Всеобщее вниманіе привлекалъ къ себѣ шаферъ жениха, представительный, немного прихрамывающій старикъ увѣшанный орденами. Никто его не зналъ, но невѣста и женихъ удѣляли ему много особеннаго вниманія. Когда, послѣ окончанія церемоніи, Константинъ Константиновичъ заглянулъ въ книгу о бракущихся, въ которой расписались новобрачные и ихъ свидѣтели, онъ прочелъ подпись неизвѣстнаго шафера: «Генри Томсонъ».

ЗАПИСКИ МЕРТВЕЦА

Потусторонняя быль.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Жилъ одинъ мертвецъ...

Впрочемъ, предоставимъ слово самому покойнику, и приведемъ полностью его дневникъ, тѣмъ болѣе, что у него довольно живой и образный языкъ, и мы думаемъ, что въ нашемъ изложеніи это загробное произведеніе можетъ потерять въ свѣжести и жизненности изображенія.

Вотъ этотъ дневникъ.

Какъ онъ попалъ въ наши руки, читатель узнаетъ впослѣдствіи.

ДНЕВНИКЪ МЕРТВЕЦА.

ГЛАВА I.

День первый.

«Переселиться въ вѣчность можно гораздо скорѣе, чѣмъ съ одной квартиры на другую».

Собственный афоризмъ.

Diable m'emporte! Еще вчера я былъ человѣкомъ, и вдругъ... Какая непріятная исторія. Очутиться, вдругъ, безъ всякаго желанія въ такомъ ужасномъ положеніи.

По моему, съ ея стороны было просто не корректно, не смѣю употребить по отношенію къ дамѣ болѣе силь-

наго выраженія, — не предупредить, что у нея есть мужъ, да еще соединяющій мускулатуру Геркулеса съ бурными страстями ревниваго мавра.

До сихъ поръ не могу притти въ себя, собраться съ мыслями, и припомнить, какъ все это произошло...

Прекрасно помню маскарадъ, себя въ костюмѣ паяца, Жоржа, раздобывшаго у кого-то нѣсколько сотенныхъ, и бывшаго по этому случаю въ самомъ радужномъ настроеніи. Помню, что я нѣсколько умѣрилъ его восторгъ, взявъ дня на три парочку радужныхъ себѣ.

Наконецъ, помню эту граціозную маску, нашу милую болтовню и вѣчно, всюду назойливо торчащаго Каменнаго Гостя.

— Боже! Какъ я былъ глупъ, что тогда же не обратилъ на это должнаго вниманія, и вмѣсто того, чтобы дать задній ходъ, очутился вмѣстѣ съ моей маленькой волшебницей въ отдѣльномъ кабинетѣ сосѣдняго ресторана...

А какое чудное меню закатила эта плутовка... за мой счетъ. А, впрочемъ... можетъ быть, и сама бы расплатилась: вѣдь было очень на то похоже.

— О! Тогда это рѣшительно невозвратимая потеря!

Кажется, никогда въ той жизни не ужиналъ я такъ пріятно.

Вотъ чуть-чуть упряма была проказница: ни за что не хотѣла снять маски до шампанскаго; все толковала о томъ, чтобы устроить тріумвиратъ изъ перваго бокала, перваго взгляда и перваго поцѣлуя.

Признаюсь, шампанскаго ждалъ я необыкновенно, цѣня по достоинству каждаго тріумвира.

Наконецъ, дверь отворяется, я оборачиваюсь и вижу столь нетерпѣливо ожидаемую бутылку шампанскаго, появляющуюся почему то дномъ впередъ въ рукѣ... Карамба!.. въ рукѣ Каменнаго Гостя. Вѣроятно, этотъ

ревнивый эфіопъ выхватилъ ее изъ рукъ прислуживавшаго намъ лакея, спѣшившаго въ нашъ кабинетъ съ замороженнымъ тріумвиромъ.

Конечно, я сразу понялъ, что этотъ Каменный или, вѣрнѣе, незванный Гость, пришелъ не для того, чтобы раздѣлить съ нами веселье.

Честь женщины прежде всего!

Поэтому, первымъ моимъ движеніемъ было какъ можно незамѣтнѣе и скорѣе скрыться, чтобы не компрометировать мою прелестную, но легкомысленную подругу.

Однако, этотъ неотесанный негодяй, въ противность всѣмъ правиламъ приличія и указаніямъ кодекса чести, съ бѣшенствомъ, и, что еще хуже, съ громадными кулаками, ни слова не говоря, кидается на меня... Нѣкоторое время моя быстрота и увертливость съ успѣхомъ спорятъ съ его упрямой настойчивостью. Но, громъ и молнія! Я вовсе не скаковая лошадь, и если и посѣщалъ бѣга, то, какъ благородный спортсменъ, а чаще всего ради тотализатора...

Началась головоломная скачка... Дорожка была нелегкая... Кресла, стулья, ковры и прочіе предметы мѣшали бѣгу и заставляли ежеминутно брать препятствія... На первомъ кругѣ я былъ на восемь корпусовъ впереди... посуда и мебель летѣли изъ подъ моихъ ногъ въ стороны, расчищая... о проклятье!.. расчищая путь этому новому Крѣпышу, свирѣпое дыханіе котораго назойливо свистѣло за моей спиной.

На второмъ кругу онъ висѣлъ на моемъ хвостѣ и не догналъ только благодаря моей находчивости, такъ какъ я, пролѣзши подъ столомъ, выигралъ у него полъ круга.

Наконецъ, при третьемъ турѣ, мы идемъ голова въ голову, и Крѣпышъ все время старается схватить меня то за руку, то за спину, причемъ я по очереди оставляю

въ его рукахъ оба рукава, а подъ конецъ и цѣлый бокъ своего паяца...

Вдругъ... Тутъ мои воспоминанія теряютъ свою ясность, и все рисуется мнѣ какъ бы въ туманѣ. Вдругъ... я ощущаю страшный ударъ въ голову... Милліоны искръ, цѣлые потоки, каскады яркаго, ослѣпительнаго свѣта... Земля колеблется подъ ногами... Мысли и впечатлѣнія путаются и обрываются. Я лечу куда-то внизъ. Вмѣсто свѣта тьма, вмѣсто движенія покой... Тьма и покой, а потомъ ничего...

Должно быть, я тотчасъ же упалъ на полъ вмѣстѣ съ осколкомъ разбитой бутылки, которой этотъ невѣжа хватилъ меня со всего размаха по головѣ, и моя благородная кровь смѣшалась съ не менѣе благороднымъ нектаромъ вдовы Клико.

Не могу сказать, былъ ли я безъ чувствъ или нѣтъ, но знаю, что первымъ моимъ ощущеніемъ было чувство, какъ будто бы я испаряюсь, улетучиваюсь, чему, правду сказать, при настоящихъ обстоятельствахъ, я былъ очень радъ, не понимая еще въ чемъ дѣло.

Наконецъ, сгустившись надъ потолкомъ, я... я... не могу сказать, что прихожу въ себя, такъ какъ, наоборотъ, я только что вышелъ изъ себя, а просто пріобрѣтаю опять способность видѣть все и размышлять.

Первое, что бросается мнѣ въ глаза — это я самъ, или, если хотите, мое тѣло, распростертое на полу въ самомъ ужасномъ видѣ, съ раскроенной страшнымъ ударомъ головой.

Тутъ впервые я начинаю подозрѣвать печальную истину.

Обративъ затѣмъ взоръ на диванъ, гдѣ, еще до начала скачекъ, въ изящномъ обморокѣ лежала маленькая волшебница, я увидѣлъ Каменнаго Гостя, властно взявшаго подъ руку мою маску, и уводившаго ее изъ кабинета.

Машинально слѣдую за ними; вижу, какъ они одѣваются, выходятъ на подъѣздъ, садятся въ сани и уѣзжаютъ.

— О, твое счастье, мавръ, что присутствіе женщины заставляетъ меня быть сдержаннымъ, иначе я бы научилъ тебя, какъ должно держать себя въ приличномъ обществѣ!

Однако, меня тянетъ назадъ, въ кабинетъ. Я иду туда по коридору и вижу, какъ туда же спѣшитъ слуга съ фруктами и десертомъ. Онъ улыбается мнѣ на ходу и спрашиваетъ что-то о господинѣ, который взялъ у него шампанское, желая сдѣлать намъ сюрпризъ.

— Да пошлетъ дьяволъ побольше такихъ сюрпризовъ всѣмъ ревнивымъ не въ мѣру мужьямъ!

Въ отвѣтъ я киваю ему головой, и онъ, обогнавъ меня, скрывается за дверью нашего кабинета. Тутъ, вдругъ, я замѣчаю, что моя походка не производитъ ни малѣйшаго шума; я пробую стучать ногою, кашлять — ни звука, пробую насвистать что-то изъ оперетки — никакого эфекта... Въ это время изъ кабинета слышится звонъ падающей посуды, и, секунду спустя, человѣкъ, бѣлый, какъ карточный мѣлокъ, вылетаетъ оттуда, точно пробла изъ горлышка стараго Редерера. Онъ летитъ такъ стремительно, что я не успѣваю отскочить, чтобы дать ему дорогу, и онъ, можете представить себѣ мое удивленіе, — онъ пробѣгаетъ сквозь меня и... и даже не извиняется.

Такъ какъ дверь кабинета осталась открытой, я заглядываю въ нее, и снова вижу себя лежащаго на коврѣ, съ разбитой головой, въ лужѣ крови и шампанскаго.

Тогда, наконецъ, я окончательно понимаю въ чемъ дѣло.

— Я убитъ!!!

Убитъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, и теперь, въ качествѣ тѣни, созерцаю свой собственный

трупъ, при чемъ успѣлъ уже явиться привидѣніемъ прислуживавшему мнѣ слугѣ.

— Да, да, это несомнѣнно — я канулъ въ вѣчность. Канулъ въ вѣчность, какъ какая нибудь ничтожная, незамѣтно пролетѣвшая минута, какъ данный въ займы пріятелю пятисотрублевый билетъ.

Итакъ, я умеръ и живу, такъ сказать, въ будущей жизни...

Признаюсь, это пріятное открытіе сильно смутило и озадачило меня. Врядъ-ли кому-нибудь изъ васъ, господа, приходилось бывать въ такомъ странномъ положеніи, поэтому вы не удивитесь, что обычная веселость и находчивость оставили меня.

— Какъ мнѣ быть теперь? Что предпринять!

Я вхожу въ кабинетъ, опускаюсь въ кресло и глубоко задумываюсь.

Такъ вотъ она смерть! Вотъ она эта таинственная незнакомка, кажется, единственная женщина, за которой я никогда не имѣлъ охоты ухаживать, и объятій которой все же не могъ избѣжать. Признаться, женщины всегда меня баловали, но на этотъ разъ я бы охотно уступилъ первенство любому изъ васъ, господа.

Самое непріятное то, что совершенно не знаешь, какъ быть! Удивительно, какъ это люди рѣшительно ничего не сдѣлали въ этомъ направленіи. Нѣтъ, не только никакого руководства, но даже плохонькаго путеводителя, чего нибудь вродѣ самаго краткаго Бедекера. Вотъ она наша цивилизація. Я увѣренъ, что каждый изъ насъ больше знаетъ о какомъ нибудь Тимбукту или Гонолулу, и будетъ тамъ лучше и свободнѣе чувствовать себя, чѣмъ на томъ свѣтѣ. А почему...

Впрочемъ, оставимъ эту философію и вернемся къ жизни... то есть къ смерти, хотѣлъ я сказать.

Итакъ, какъ же мнѣ теперь устроиться, гдѣ имѣть квартиру, гдѣ обѣдать, у какого портного одѣваться и

наконецъ... можно ли у кого нибудь занять здѣсь денегъ, на первое обзаведеніе, такъ какъ изъ земной жизни я успѣлъ захватить только тѣ двѣсти рублей, которые занялъ у Жоржа, да и тѣ еще лежатъ въ карманѣ моего тѣла. На всякій случай, не мѣшаетъ вытащить ихъ оттуда.

Я встаю съ кресла, подхожу къ своему трупу, наклоняюсь надъ нимъ, грустно вздыхаю, и пытаюсь вынуть изъ бокового кармана бумажникъ.

Но, о ужасъ! Мои пальцы проходятъ сквозь тѣло совершенно безпрепятственно, не ощущая даже прикосновенія къ нему.

Дѣло осложняется! Какъ же буду я, напримѣръ, ѣсть! Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, пытаюсь взять прекрасный сочный дюшесъ, уроненный слугой на коверъ. Увы! — результатъ тотъ же.

— Чертъ возьми! Положеніе становится трагическимъ. Неужели я умеръ только для того, чтобы здѣсь, безъ денегъ, и безъ пищи вторично умереть голодной смертью. И, если это такъ, то до какихъ же поръ будетъ продолжаться это нелѣпое положеніе.

И все благодаря этому проклятому мавру. Нѣтъ, нѣтъ, я ему этого не прощу. Parole d'honneur! Я ему покажу, какъ шутить со мною. Конечно, жаль, что, благодаря своей духовности, я не могу поставить его къ барьеру, хотя, съ другой стороны, теперь и я такъ же обезопашенъ отъ его дикихъ выходокъ; но за то я призову на помощь себѣ правосудіе, пусть оно караетъ преступника. Изъ уваженія къ закону я заглушу въ себѣ жажду мести. Указать убійцу, это мой гражданскій долгъ, а такіе долги я всегда охотно платилъ. Наконецъ, это долгъ и передъ покойникомъ, то есть, передъ самимъ собой. Итакъ, рѣшено, прежде чѣмъ заняться здѣсь собственными дѣлами, я долженъ, какъ джентльменъ, исполнить свои послѣднія земныя обязанности и свести счеты съ жизнью. Признаюсь, я всегда пользовался у нея гораздо

большимъ кредитомъ, чѣмъ у всѣхъ ростовщиковъ, взятыхъ вмѣстѣ, и, дѣйствительно, бралъ отъ нея все, что было можно; но теперь... теперь своей смертью я расплатился пожалуй съ ней по рыцарски.

— Къ дѣлу! Ѣду сейчасъ же къ Жоржу! Бѣдный, кто отдастъ теперь тѣ двѣ сотни, которыя я сегодня вечеромъ занялъ у тебя! Впрочемъ, въ этомъ отношеніи моя смерть, кажется, мало мѣняетъ дѣло.

— Къ Жоржу, къ Жоржу! Пусть онъ подыметъ на ноги всю полицію и преслѣдуетъ преступника по пятамъ, какъ этотъ Крѣпышъ преслѣдовалъ меня здѣсь четверть часа назадъ.

— Къ Жоржу!!!

Въ возбужденіи дѣлаю, не замѣчая, лишній шагъ, и прохожу безпрепятственно черезъ стѣну прямо на улицу, причемъ свободно вишу въ воздухѣ надъ тротуаромъ.

— Прелестно. Эту особенность нужно имѣть въ виду въ дальнѣйшемъ. Кромѣ того еще неожиданное открытіе: хотя я легко одѣтъ, морозъ для меня совершенно не чувствителенъ, а правду сказать, я побаивался, какъ при настоящемъ положеніи вещей, я умудрюсь надѣть шубу.

Начинаю двигаться. Еще открытіе: я могу летѣть вверхъ, внизъ, вообще, въ любомъ направленіи, причемъ стѣны домовъ, фонари. телефонныя проволоки и прочіе матеріальные предметы совершенно не служатъ мнѣ препятствіемъ, такъ какъ я или они, ужъ не знаю, что правильнѣе, — совершенно свободно проходимъ одинъ сквозь другой.

Лечу.

Положительно, не одинъ летчикъ позавидовалъ бы мнѣ теперь. Я не жужжу назойливо и безпрерывно, какъ пропеллеръ, не задираю носа вверхъ, подымаясь повы-

ше и не вѣшаю его, опускаясь, я даже не долженъ держать его по вѣтру. Главное же мое преимущество, это то, что я при своемъ полетѣ не рискую ежеминутно сломать себѣ шею.

Итакъ, черезъ стѣны, фонари, столбы, извозчиковъ, городовыхъ — напрямикъ къ Жоржу!

ГЛАВА II

Продолженіе перваго дня.

«Человѣкъ, потерявшій вѣру въ Бога, еще долго вѣритъ въ дьявола».

Не собственный афоризмъ.

Задержавшись только минуты на три въ одномъ домѣ, пролетая черезъ который, наткнулся на очень пикантную сценку, останавливаюсь, наконецъ, передъ квартирой Жоржа.

По старой привычкѣ звоню, вхожу въ дверь и подымаюсь по лѣстницѣ. Въ передней натыкаюсь на лакея, который занятъ тщательной ревизіей кармановъ, только что принесеннаго имъ изъ спальни платья Жоржа. Не найдя въ нихъ ничего, кромѣ носового платка, онъ долго, съ видомъ знатока вдыхаетъ его тонкій ароматъ, и, наконецъ, грустно вздохнувъ, меланхолически сморкается въ него и кладетъ обратно.

Иду въ спальню Жоржа.

— Ну, закоренѣлый атеистъ, посмотримъ, что ты запоешь, воочію убѣдившись въ существованіи потусторонняго міра, неопровержимымъ доказательствомъ котораго являюсь я.

Съ такими мыслями я прохожу сквозь запертую дверь и вижу Жоржа почти раздѣтымъ, стоящаго пе-

редъ зеркаломъ и внимательно разсматривающаго свою преждевременную лысину.

Я осторожно, на цыпочкахъ, чтобы не испугать его неожиданнымъ появленіемеъ, приближаюсь къ Жоржу.

— Но, Богъ мой, что у него за лицо!

Можно было подумать, что несчастный только что вырвался изъ рукъ инквизиціи или изъ машинки для рубки котлетъ; вся физіономія его была облѣплена пластырями и повязками расправляющими морщины, а поверхъ ихъ красовался еще бинтъ для усовъ.

Въ такомъ видѣ его можно было принять съ одинаковымъ успѣхомъ и за христіанскаго мученика первыхъ вѣковъ, побывавшаго въ когтяхъ тигра, но почему то имъ недоѣденнаго, и за бандита, спасшагося отъ преслѣдованія черезъ терновникъ.

Во всякомъ случаѣ, видъ его былъ страшенъ, и я чуть было не отложилъ нашего свиданія до другого болѣе удобнаго времени. Однако, во время вспомнивши, что Жоржъ занимается (конечно собой) въ институтѣ красоты, я остался. Это, кажется, единственный институтъ, который удается кончать съ успѣхомъ молодымъ людямъ нашего круга, такъ какъ въ другихъ они почему-то никогда не остаются болѣе года.

Заглянувъ черезъ плечо Жоржа въ зеркало, я замѣтилъ въ немъ отраженіе чего то туманнаго, полупрозрачнаго, похожаго на легкій паръ; вглядѣвшись пристальнѣе, я убѣдился, что это есть мое собственное изображеніе, причемъ черты лица и выраженіе сохранились въ точности, потерявъ только свою рѣзкость. Продолжая наблюденіе, я увидѣлъ, что я, то дѣлался почти невидимымъ, какъ легкій паръ жженки, то сгущался и принималъ рельефныя очертанія, на подобіе дыма дешевой сигары.

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ, Жоржъ, очевидно, замѣтилъ меня въ зеркалѣ и торопливо обернулся. Я по-

старался какъ можно болѣе сгуститься и привѣтливо подмигнулъ ему.

— Mon Dieu, — воскликнулъ онъ съ крайнимъ изумленіемъ, — откуда это ты, какимъ образомъ попалъ сюда, и что у тебя за странный видъ. Ужъ не хочешь ли ты напугать меня, разыгрывая какое то туманное привидѣніе.

Тогда я, призвавъ на помощь всю свою сообразительность, стараюсь мимикой и соотвѣтствующими жестами дать понять Жоржу, въ какомъ я нахожусь печальномъ положеніи, и разсказать ему все, что произошло.

О, какъ пригодились мнѣ теперь мои частыя посѣщенія балета. Не будучи въ состояніи объясняться словами, я представлялъ ему все въ лицахъ. Сначала я изобразилъ наше tête à tête съ прелестной маской, потомъ входъ Каменнаго Гостя, скачки, его страшный ударъ и, наконецъ, мою смерть.

Взявшись за бока, Жоржъ хохоталъ неудержимо.

— О, mon Dieu, mon Dieu, — стоналъ онъ, — ты рѣшительно хочешь уморить меня. Право, тебѣ не достаетъ только миганія, легкаго подрагиванія, побольше фантазіи въ деталяхъ и поменьше скромности, чтобы быть настоящимъ біографомъ.

Напрасно я силюсь выругаться, остановить его идіотскій смѣхъ и объяснить ему всю серіозность дѣла. Напрасно я хмурюсь и выражаю жестами, что все это вовсе не шутки: — все тщетно — его веселость не истощима.

— Mon ange, — говоритъ онъ, когда я, плюнувъ съ досады, усталый, бросился въ кресло, — ты упустилъ маленькую деталь. Ужъ, если ты хочешь разыгрывать покойника, то напрасно проявился въ жалкихъ остаткахъ паяца. Твоя мимика и игра принесла бы честь любой балеринѣ, но. какъ привидѣнію, тебѣ не достаетъ савана.

Съ этими словами Жоржъ стаскиваетъ съ кровати простыню и шутя набрасываетъ ее на меня.

Увы! Это неосторожное движеніе испортило все дѣло. Простыня пройдя черезъ меня, безпомощно падаетъ на кресло, а рука Жоржа пронизываетъ въ то же время мой животъ — насквозь. Это рѣшаетъ все; онъ въ ужасѣ отскакиваетъ, и лицо его выражаетъ, — но какъ описать, что выражаетъ его лицо.

Случалось ли вамъ, конечно, по разсѣянности, брать сигару зажженнымъ концомъ въ ротъ. Случалось ли вамъ, завидя издали хорошо знакомую фигуру пріятеля, спѣшить догнать его, въ тайной надеждѣ перехватить на нѣсколько дней сотню другую. Вотъ вы догнали его, хлопаете по плечу, онъ оглядывается. Parbleu! Передъ вами кредиторъ. Нагнуться сорвать нѣжный цвѣтокъ и схватить за усы тарантула.

Однажды, мнѣ посчастливилось присутствовать на похоронахъ мнимоумершаго. Мертвецъ все время велъ себя прилично и съ подобающей серьезностью, причемъ лицо его выражало отчаянную скуку. Родственники плакали, вздыхали, перешептывались и косились на толстый пакетъ съ завѣщаніемъ. Вообще все было чинно и какъ слѣдуетъ, такъ что ничто не предвѣщало, что покойникъ выкинетъ подъ конецъ такое колѣнце. Да-съ! Такъ вотъ, только что хоръ затянулъ скорбное «упокой», и всѣ поспѣшили поднести платки къ глазамъ, какъ мертвецъ проявилъ совершенно противоположныя стремленія. Онъ, вопреки установившемуся обычаю, сначала до неприличія громко зѣвнулъ, да такъ, что чуть не выворотилъ себѣ челюстей, сладко потянулся, причемъ гробъ заскрипѣлъ и затрещалъ по всѣмъ швамъ, и, наконецъ, схватившись за его края восковыми руками, приподнялся и сѣлъ въ немъ, ехидно посматривая на всѣхъ однимъ открывшимся глазомъ.

Поднявшись, онъ началъ порывисто и часто вды-

хать въ себя воздухъ, кивать головой и морщить носъ, точно собираясь чихнуть. И дѣйствительно, потерявъ всякій стыдъ и тактъ чихнулъ на всю залу. Даю слово, что никто изъ присутствующихъ родственниковъ не сказалъ ему: «на здоровье».

Къ довершенію скандала, не найдя въ карманахъ своего погребальнаго костюма носового платка, чтобы вытереть носъ, мертвецъ спокойно снялъ съ своей головы большой клѣтчатый шелковый платокъ, которымъ была подвязана его челюсть, чтобы она не отваливалась, и, точно это было допустимо въ его положеніи, съ трескомъ высморкался.

Впрочемъ, этой послѣдней безтактности, почти никто не видѣлъ, такъ какъ еще при первой попыткѣ мертвеца къ скандалу, почти всѣ присутствовавшіе поспѣшили оставить комнату.

Такъ вотъ, господа, у всѣхъ перечисленныхъ лицъ было приблизительно такое же выраженіе, какъ у Жоржа.

Бѣдный малый въ ужасѣ присѣлъ на корточки и, вытянувъ шею, тихо вылъ, точно песъ на покойника или на луну: «мертвецъ, мертвецъ, мертвецъ»!!!

Напрасно, привѣтливо кивая головой, я старался успокоить его страхъ и выразить жестами свою привязанность и дружбу. Напрасно я призываю его къ молчанію, прикладывая палецъ къ губамъ. Напрасно стараюсь ободрить ласково улыбаясь. Ничто не помогаетъ. Жоржъ такъ же безнадежно и упрямо воетъ, какъ и въ началѣ.

Вдругъ, къ немалой радости, я чувствую, что обрѣтаю способность рѣчи. Правда, мой голосъ то, что называется, «замогильный» и настолько тихъ, что съ трудомъ уловимъ, но все же Жоржъ его слышитъ, да и я, наклюняюсь къ его уху и стараюсь кричать, какъ можно громче.

— Жоржъ, — кричу я, — перестань малодушничать. Неужели ты не вѣришь въ мою дружбу и думаешь, что я способенъ причинить тебѣ зло. Жоржъ, перестань выть!

Однако, этотъ трусишка, услышавъ мой голосъ, пугается еще болѣе, и, заткнувъ обѣими руками уши, ложится на полъ, носомъ внизъ, и начинаетъ всхлипывать.

— Жоржъ, Жоржъ, — реву я ему въ уши, — будь мужествененъ. Правда, не стану вилять, я дѣйствительно мертвецъ, какъ ты зачѣмъ то орешь на весь домъ, но что же изъ этого. Эка невидаль, подумаешь, мертвецъ! Вѣдь ты видалъ ихъ тысячи. И потомъ, право, все это предразсудки. Ну, подумай, чего, собственно говоря, ты такъ разволновался?

Однако, вмѣсто того, чтбоы стать благоразумнымъ, Жоржъ мѣняетъ тактику, и, такъ называемымъ благимъ матомъ, во все горло призываетъ своего слугу.

Видя всю безполезность попытокъ успокоить его, и заслышавъ приближающіеся шаги, я рѣшаю удалиться, такъ какъ въ настоящемъ положеніи, все равно, съ Жоржемъ трудно до чего либо договориться. Конечно, изъ за его трусости я вовсе не намѣренъ отказаться отъ мысли заставить его принять участіе въ поимкѣ мавра, тѣмъ болѣе, что, кажется, одинъ только Жоржъ обладаетъ способностью не только видѣть, но и слышать меня, но что же дѣлать: приходится повременить. Прійдется почаще являться къ нему, чтобы пріучить къ себѣ. Итакъ, до скораго свиданія. Надѣюсь, къ тому времени ты успокоишься и мы поговоримъ по душѣ.

Я плавнымъ движеніемъ скользнулъ изъ комнаты и, пройдя стѣну, очутился въ воздухѣ надъ улицей.

Было раннее утро. Солнце только что показалось. Mon Dieu! Какіе тона, какой воздухъ. День обѣщаетъ быть великолѣпнымъ, но, увы, это не мой день! Безплотнымъ духомъ ношусь я въ воздухѣ, навсегда лишен-

ный не только грѣшныхъ, но и самыхъ невинныхъ удовольствій земли. Прощай земля! Прощай пріютъ наслажденій. Легкой цѣпью веселыхъ обѣдовъ, тонкихъ винъ, изящныхъ и хорошенькихъ женщинъ тянулась моя жизнь, пока послѣднее звѣно ея не разбила бутылка шампанскаго, проведя кровавую черту между мною и земными радостями.

Прощай же жизнь, и... и вы ея лучшее украшеніе, восхитительныя, прелестныя, очаровательныя подруги нашихъ лучшихъ и счастливѣйшихъ минутъ.

Такъ думалъ я въ то раннее утро, вися въ воздухѣ и вытирая духовнымъ платкомъ набѣгавшія на духовные глаза духовныя слезы. Никогда еще не было мнѣ такъ жалко самого себя и ничью потерю я такъ искренно не оплакивалъ.

Однако не висѣть же мнѣ вѣчно надъ этой улицей. Нужно же мнѣ какъ-нибудь устроиться, войти въ сношенія съ себѣ подобными, сдѣлать необходимые визиты. Вообще нужно разыскать какого-нибудь опытнаго мертвеца и распросить у него, что и какъ.

Пожалуй придется отправиться на кладбище. Какъ это ни грустно, но въ моемъ положеніи это, кажется, самый вѣрный путь.

ГЛАВА III.

Продолженіе перваго дня.

> Живой веселый мертвецъ такой же желанный гость на кладбищѣ, какъ остроумный собесѣдникъ въ гостиной.

Часа три я проходилъ по кладбищу, надѣясь встрѣтить хоть какого-нибудь мертвеца. Но, увы, на немъ, какъ говорится, не было ни одной «живой» души.

Тогда, чтобы убить время, я занялся осмотромъ памятниковъ, присматривая, кстати, подходящій и для себя. Признаюсь ни одинъ изъ нихъ не пришелся мнѣ по душѣ. Ничего выдающагося, оригинальнаго. Казалось люди нарочно понатаскали сюда всю эту массу кирпича, гранита, мрамора и желѣза, чтобы всей этой тяжестью наваленной на могилы покрѣпче защемить покойниковъ, и помѣшать имъ вылѣзать по ночамъ изъ гробовъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и немного провѣтриться.

Вообще я пришелъ къ заключенію, что люди воздвигаютъ памятники не столько для усопшихъ, сколько для самихъ себя. Дѣлаютъ они это изъ тщеславія, желая щегольнуть своимъ богатствомъ и вкусомъ. Большимъ дорогимъ памятникомъ на главномъ кладбищенскомъ проспектѣ такъ же кичатся, какъ хорошенькой виллой, дорогимъ выѣздомъ, модной любовницей.

Впрочемъ нѣкоторые пользуются еще памятниками для выраженія своихъ благородныхъ мыслей и чувствъ, а иногда и жалости.

«Череда дѣтей, супругъ печальный
Оплакиваютъ здѣсь твой саванъ погребальный»

Дѣйствительно, жаль савана. Хоть и былъ онъ шитъ для покойницы на живую нитку, но былъ шелковый и тоже вѣдь денегъ стоилъ.

«Только истинно благородныя и возвышенныя
души
Могутъ понять и оцѣнить тебя».

На другой сторонѣ:

«Да простятся тебѣ всѣ грѣхи твои».

Что памятникъ поставили благородныя души въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, но о лежащемъ подъ нимъ грѣшникѣ мнѣнія расходятся: одни думаютъ, что это былъ ростовщикъ, и цѣнятъ его тысячъ въ двѣсти, другіе предполагаютъ, что въ усопшемъ скрывался шу-

леръ, и что только послѣ смерти нѣкоторымъ благороднымъ душамъ удалось раскусить покойника и выяснить въ чемъ дѣло. Попадаются и угрожающія подписи: «Спи спокойно — пока я не приду». Будетъ же ему, когда она придетъ.

Насколько второстепенную роль играютъ при постановкахъ памятниковъ покойники, какъ мало считаются съ ихъ привычками и вкусами и какъ невнимательно относятся къ тому, что было имъ дорого при жизни, я убѣдился изъ первой же своей встрѣчи съ мертвецомъ.

Случайно я забрался въ глубь кладбища, гдѣ мраморъ и гранитъ уступали мѣсто простому камню, гдѣ, вмѣсто дорогихъ позолоченныхъ рѣшетокъ, скромныя могилы были обнесены простой деревянной оградой съ выцвѣтшей и облупившейся краской, гдѣ изреченія не такъ высокопарны и возвышенны, но болѣе сердечны, гдѣ покачнувшіеся кресты со стертыми временемъ надписями, или вовсе лишенные ихъ, грустно, точно глубоко задумавшись, склонились надъ безымянными могилами, — однимъ словомъ туда, гдѣ хоронятъ по послѣднему разряду, гдѣ лѣтомъ больше шумной зеленой листвы, гдѣ по ночамъ щелкаютъ соловьи и встрѣчаются личности способные общелкать живого и мертваго, съ одинаковой готовностью сдирающіе украшенія съ могилъ, съ прохожихъ шубы, а съ покойниковъ саваны.

Въ этомъ уединенномъ и пріятномъ мѣстѣ я усѣлся на плиту, прикрывавшую какого то коллежскаго регистратора, отъ имени котораго на камнѣ остался одинъ только твердый знакъ (sic transit gloria mundi), и погрузился въ тихую задумчивость, приличную данному мѣсту и моему собственному положенію.

Вдругъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи около новенькаго, очевидно недавно поставленнаго дешеваго памят-

ника, я, первый разъ въ жизни, увидѣлъ привидѣніе или, правильнѣе сказать, мертвеца.

Признаюсь, не смотря на всю свою обычную храбрость и самообладаніе, я почувствовалъ не скажу страхъ, а нѣкоторое ощущеніе жуткости. Конечно я прекрасно сознаю, что все это предразсудки, но видъ даже самаго мертваго покойника, гроба, катафалка или вообще чего-либо изъ этой оперы — всегда дѣйствовалъ мнѣ на нервы. Даю слово, даже и сейчасъ, въ моемъ новомъ положеніи, я ни за что не соглашусь провести ночь на кладбищѣ.

Поэтому понятно, что первымъ моимъ движеніемъ было скрыться. Скрыться какъ можно скорѣе и какъ можно дальше. Однако, вспомнивъ, что я цѣлое утро проторчалъ на кладбище съ цѣлью встрѣтиться съ какимъ-нибудь покойникомъ и пораспросить его, я пересилилъ себя и рѣшилъ остаться, принявъ нѣкоторыя предосторожности.

Высмотрѣвъ невдалекѣ чугунную, порыжѣвшую отъ ржавчины, скалу, я неслышно пробираюсь къ ней между могильными плитами. Притаившись тамъ и собравшись съ духомъ, я осторожно высовываю голову и начинаю наблюдать за мертвецомъ.

Онъ велъ себя чрезвычайно странно, точно сумасшедшій. Шепча все время: «тереть, переть, мереть; тереть. переть, мереть», онъ съ яростью набрасывался на свой собственный памятникъ, стараясь вырвать или соскрести высѣченную на немъ надпись. Навѣрно на несчастномъ покойникѣ не осталось ни одного живого мѣста, такъ стремительно онъ налеталъ на памятникъ и бился о него. Видъ мертвеца былъ такъ свирѣпъ и дикъ, а зловѣщій шепотъ: «тереть, переть, мереть» такъ непонятно-страшенъ, что я не выдержалъ и, что есть духу, черезъ кресты, памятники и ограды со всѣхъ ногъ, бросился бѣжать прочь, преслѣдуемый, точно проклятіемъ,

роковыми таинственными словами: «тереть, переть, мереть».

Только впослѣдствіе, познакомившись и разговорившись съ другими мертвецами, я узналъ въ чемъ дѣло.

Несчастный былъ фанатикомъ буквы Ѣ, буквы имѣющей таинственное свойство привлекать любовь учителей и наоборотъ внушать отвращеніе ихъ ученикамъ. Умирая, онъ обвелъ всѣхъ стоящихъ у смертнаго одра мутнымъ взглядомъ и тихо прошепталъ послѣднее свое желаніе: «прикажите высѣчь на моей могилѣ Ѣ».

Присутствующіе грустно переглянулись и тяжело вздохнули: — бѣдняжка, онъ уже бредитъ и свое любимое Ѣ принимаетъ за учениковъ.

Однако родные изъ тщеславія все же поставили ему черезъ мѣсяцъ дешевенькій памятникъ, но, какъ всегда бываетъ, отнеслись къ этому такъ небрежно, что совершенно не обратили вниманія на то, что безграмотный мастеръ, какъ бы исполняя волю умершаго дѣйствительно высѣкъ на памятникѣ Ѣ, но только въ словѣ — «умѣръ».

Эта роковая грамматическая ошибка имѣла ужасныя послѣдствія: покойникъ помѣшался. Три роковыхъ глагола — исключенія огненными буквами начертаны въ его мозгу: «тереть, переть, мереть; тереть, переть, мереть». И вотъ безпрерывно шепча ихъ, онъ пытается спереть... я самъ кажется началъ заговариваться... смерть... Тьфу!... стереть проклятую букву въ словѣ мереть.

Спасаясь отъ сумасшедшаго, я такъ разлетѣлся, что опомнился только на главной аллеѣ, гдѣ и усѣлся на скамейкѣ, чтобы немного успокоиться и отереть, опять тереть, со лба потъ (конечно, вы понимаете, что послѣднее — фигуральное выраженіе — маленькая поэтическая вольность).

Вдругъ, я чувствую, кто то хлопаетъ меня сзади по плечу. Я вздрагиваю, быстро оборачиваюсь, и представьте, вижу своего хорошаго знакомаго, генерала, на похоронахъ котораго я былъ всего лишь съ недѣлю назадъ.

Помню, былъ еще превосходный поминальный обѣдъ, положительно дѣлающій честь генеральскому повару.

— Хэ, хэ, хэ, милѣйшій, забасилъ генералъ, усаживаясь рядомъ. Какими судьбами. Не долго же вы безъ меня погуляли. Ну, ну, разсказывайте, давно съ того свѣта. Когда кикнули?

Признаюсь, бравый видъ генерала и его непринужденная болтовня подѣйствовали на меня ободряюще, и хотя я и продолжалъ коситься на его фигуру, сквозь которую ясно просвѣчивалъ сосѣдній памятникъ, хотя и старался подальше отодвинуться отъ него, но, вскорѣ, совершенно свыкся со своимъ собесѣдникомъ, а подъ конецъ всякій страхъ оставилъ меня.

— Такъ вы, такъ сказать, новопреставленный, воскликнулъ генералъ, узнавъ, что только сегодня въ ночь я оставилъ свою земную оболочку. — Такъ-съ! Ну, какъ же вы нашли новую обстановку.

— Правду вамъ сказать, ваше превосходительство, я еще новичекъ въ смерти, и не рѣшаюсь высказать какое либо опредѣленное мнѣніе. Могу только сказать, что здѣсь, кажется, совершенно иныя условія жизни, чѣмъ на землѣ.

— Да, батенька, здѣсь не медъ, проговорилъ генералъ съ нѣкоторой растерянностью. — Нѣтъ твердой власти, порядка, дисциплины. Недавно встрѣчаю, это, тѣнь рядового, такъ, можете себѣ представить, не только фронта не сдѣлалъ, даже чести не отдалъ, мерзавецъ! И вѣрите ли — смолчалъ! Сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ. Ну подумайте, что я могу сдѣлать съ какимъ

то духомъ, не сажать же его на гауптвахту на хлѣбъ и на воду. Пока было тѣло, мы могли держать его въ рукахъ, но духъ... духъ, хоть и солдатскій, это... это... это ужъ какая то метафизика!

— Какъ же вы устроились здѣсь, ваше превосходительство, гдѣ живете, чѣмъ занимаетесь.

— Чѣмъ занимаюсь? По правдѣ сказать — баклушничаю. Летаю, какъ муха то туда то сюда. И смѣхъ и грѣхъ. Ну скажите на милость, прилично ли въ моихъ лѣтахъ, въ моемъ чинѣ порхать по столицѣ, точно воробей.

— А мнѣ, признаться, это именно больше всего и понравилось.

— Ну, вы всегда были немного легкомысленнымъ молодымъ человѣкомъ, замѣтилъ генералъ. — Впрочемъ дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что никто здѣсь не знаетъ, что будетъ дальше.

— Какъ! вскричалъ я.

— А такъ! Имѣйте ввиду, что вы не встрѣтите здѣсь ни одного мертвеца, умершаго болѣе сорока дней назадъ, такъ какъ на сороковый день они всѣ куда-то исчезаютъ, точно проваливаются въ адъ.

— Гм... это... это не совсѣмъ пріятно, въ особенности, если вѣрна ваша послѣдняя догадка.

— Ну, а скажите, какъ относительно сношеній съ людьми? Пробовали вы проявляться?

— А будь они прокляты!

— За что такая немилость, ваше превосходительство?

— А за то, что всѣ они прохвосты. Только теперь, батенька, узналъ я, что это за интриганы, эгоисты и лицемѣры. Возьму хоть себя въ примѣръ. Первое время я, знаете ли, всѣмъ интересовался, леталъ вездѣ, узнавалъ какъ и что. Ну вотъ, можете себѣ представить, лечу я изъ нашего министерства, гдѣ только что узналъ, ка-

кую свинью собирались подложить мнѣ, не умри я такъ кстати для своихъ доброжелателей. Да-съ, лечу это я совершенно машинально, предаваясь печальнымъ размышленіямъ о человѣческой подлости, какъ вдругъ на встрѣчу похороны, парадныя такія: вѣнки, войска и все прочее. Слышу въ толпѣ говорятъ: генерала какого то хоронятъ. Присматриваюсь. Вотъ такъ клюква! Это меня, раба Божьяго тащатъ!

Совсѣмъ, признаться, за разными хлопотами да непріятностями забылъ объ этомъ. Ну, натурально присоединяюсь къ процессіи, и иду за гробомъ.

Что же вы думаете!

И сотни шаговъ пройти не могъ.

Убѣжалъ!!

И чего только я про себя не наслушался. Ужъ я и такой и сякой. А посмотрѣли бы вы съ какимъ аппетитомъ всѣ эти господа уплетали мой поминальный обѣдъ, и хоть бы одинъ прохвостъ обмолвился добрымъ словомъ. Да что мнѣ вамъ разсказывать, вѣдь вы сами были на немъ и прекрасно все видѣли.

— Гм... конечно... да, да. Однако, какой здѣсь непріятный вѣтеръ, ваше превосходительство, такъ всего насквозь и продуваетъ.

Вмѣсто отвѣта генералъ толкнулъ меня локтемъ въ бокъ и лукаво подмигнулъ. Лицо его смягчилось, глаза сдѣлались масляными, старческія губы быстро со вкусомъ зажевали.

— Посмотрите, посмотрите, вонъ на той аллеѣ, за гранитной колонной. Да не туда смотрите, кричалъ онъ съ неудовольствіемъ. Вонъ туда! Эхъ вы, молодецъ, чутья нѣтъ. Лѣвѣе, лѣвѣе. Ага, клюнулъ, увидѣлъ!... Ну, что, не дурна, канашка!

Дѣйствительно, по пролегающей рядомъ аллеѣ плавно, точно легкое облачко, граціозно проносилась прелестная молодая дѣвушка. Вѣроятно, даже въ той

жизни, она была прекрасна; здѣсь же, лишенная грубой земной оболочки, ея облагороженная красота производила прямо таки неотразимое впечатлѣніе.

— А, какова! неистово колотилъ меня въ бокъ генералъ. Постойте, постойте, куда же вы!

— Mille pardon! ваше превосходительство, я совершенно забылъ, что далъ слово быть на своей панихидѣ!

— Хо, хо, хо, мой дорогой, да вы ничуть не измѣнились и остались такимъ же повѣсой какъ и были. Ну, ну, не держу. Летите, летите... Только, долженъ предупредить... я уже самъ, того, пытался, съ одной шляпкой... впрочемъ идите, идите... сами узнаете, и генералъ, захохотавъ отъ души, шутливо оттолкнулъ меня.

Кажется еще никогда не летѣлъ я съ такой быстротой и стремительностью. Поэтому не удивительно, что на ближайшемъ перекресткѣ я уже нагналъ прелестную незнакомку.

— Прошу великодушно простить, mademoiselle, произнесъ я, преграждая ей путь и галантно раскланиваясь, — прошу простить, что, не имѣя чести быть вамъ представленнымъ, осмѣливаюсь заговорить съ вами. Отдаю себя подъ покровительство вашего добраго сердца и умоляю дать мнѣ нѣкоторыя указанія, какъ совершенно неопытному... человѣку, вновь прибывшему въ этотъ таинственный міръ, населенный такими совершеннѣйшими существами, какъ вы.

— Если вы серьезно принимаете меня за неземное существо, то вы сильно ошибаетесь: я такая же смертная какъ и вы, и еще мѣсяцъ тому назадъ была самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, отвѣчала привѣтливо красавица, видимо польщенная моей незатѣйливой лестью.

— Во всякомъ случаѣ — не обыкновенной, отвѣчалъ я, выразительно смотря въ ея прелестные мягкіе глаза. Я положительно считаю всю мою земную жизнь

напрасно потерянной, такъ какъ не имѣлъ счастья встрѣтить васъ.

Незнакомка улыбнулась и... Не знаю, почудилось ли это мнѣ, или, можетъ быть, по ея воздушной, сотканной изъ тончайшаго эфира фигуркѣ случайно скользнулъ лучъ солнца, но... мнѣ положительно показалось, что ея милыя щечки чуть-чуть порозовѣли.

— О, вы, должно быть, были опаснымъ льстецомъ, возрозила она, кокетливо погрозивъ мнѣ пальчикомъ, изяществу котораго позавидовала бы сама Афродита. — что же собственно вы хотѣли спросить у меня?

— Что я хотѣлъ спросить! Конечно, вы поймете, что меня интересуетъ здѣсь все, но послѣ такой счастливой встрѣчи, какъ настоящая, я болѣе всего желалъ бы знать, существуютъ ли и здѣсь тѣ нѣжныя чувства, которыя такъ скрашивали нашу земную жизнь.

— То-есть!

— Ну вотъ, напримѣръ, не совершу ли я тяжкаго проступка и не покажусь ли, можетъ быть, смѣшнымъ, если позволю себѣ, предположимъ, поцѣловать эту дразнящую меня ручку, опирающуюся съ такой неподражаемой граціей о гранитъ памятника.

— Вотъ что, — мелодично засмѣялась она. — Право, первый разъ въ смерти встрѣчаю такого полнаго жизни мертвеца.

Признаюсь, это названіе покоробило меня, но, такъ какъ собесѣдница не приняла своей миніатюрной ручки, то я счелъ себя въ правѣ припасть къ ней въ страстномъ поцѣлуѣ.

Увы! Я бы, конечно, разшибъ тебѣ лобъ о гранитъ, если бы моя голова не прошла сквозь него такъ же свободно, какъ и сквозь прелестную ручку, поцѣловать которую я такъ неудачно пытался.

— Вотъ видите, милостивый государь, — лукаво

проговорила красавица, кусая губы, — видите: женщины здѣсь въ большей безопасности, чѣмъ на землѣ.

— Увы, Mademoiselle, — отвѣчалъ я довольно мрачно, — вы, конечно, правы, и по истинѣ это самое дорогое, что мы теряемъ, сбрасывая земную оболочку. Но, скажите, неужели нѣтъ никакого способа воплотиться, хоть какъ нибудь, хоть немножко, хоть на минуточку. Вѣдь это ужасно.

— Можетъ быть, для такихъ жизнерадостныхъ покойниковъ, какъ вы, это и печально, — тихо съ грустнымъ вздохомъ, промолвила она, — но кто самъ ушелъ отъ жизни, тому это безразлично.

— Какъ, — воскликнулъ я, — я страшусь понимать смыслъ вашихъ словъ, неужели...

— Да, мы съ Мишей пришли къ тому заключенію, что жизнь безсмысленна и безцѣльна, и рѣшили вмѣстѣ умереть, что и исполнили, выпивъ какую-то препротивную гадость.

— Вы и Миша! Ми-и-ша!

— Ну, да, Миша, — нашъ сосѣдъ. Теперь мнѣ кажется, что мы немного поторопились,, и незачѣмъ было ускорять неизбѣжное. Въ сущности, какъ вспомнишь, жить было такъ весело, но бѣда въ томъ, что мы не могли никакъ отыскать въ жизни ни цѣли, ни смысла.

— Позвольте васъ спросить, кто это мы. Это все навѣрно вашъ сосѣдъ Миша, — саркастически спросилъ я, пылая ревностью.

— Клянусь честью, нужно быть деревомъ, чтобы встрѣтивъ васъ въ жизни, не понять ея смысла и цѣли!

— Боже мой, какъ вы горячитесь, въ васъ еще удивительно много пылкости и свѣжести для мертвеца. Однако, успокойтесь. Говоря — мы, я подразумѣваю всѣхъ вообще своихъ знакомыхъ и подругъ, такъ какъ это теперь самый модный вопросъ и всѣхъ онъ интересуетъ.

Какъ только соберемся вмѣстѣ, сейчасъ же тебя спрашиваютъ:

— Ну, что, есть у тебя цѣль?

— Нѣтъ! А у васъ есть смыслъ?

— Нѣтъ!

— И у кого ни спросишь, ни у кого, оказывается, нѣтъ смысла.

— Да. А потомъ началось. Слышу, одна подруга отравилась, потомъ другая, третья, студентъ знакомый утопился, два незнакомыхъ технолога застрѣлились, опять подруга, и такъ безъ конца и все отъ этого: ищутъ, ищутъ и никакъ не могутъ найти цѣли и смысла жизни; и такъ всѣ, безъ цѣли, и безъ смысла и окончили жизнь.

Мы тоже съ Мишей ничего не нашли. Тяжело такъ на душѣ стало, тоскливо, чувствуешь, что надвигается что то страшное. И вотъ приходитъ онъ однажды и говоритъ: «все, говоритъ, пустота», и на голову показываетъ. Я сразу все поняла.

— Что, спрашиваю, вы задумали?

Ну, онъ сначала предложилъ вмѣстѣ застрѣлиться, прямо въ голову, но я ни за что не согласилась: во первыхъ я страшно боюсь выстрѣла, а во вторыхъ это могло обезобразить все лицо. Въ концѣ концовъ рѣшили отравиться.

— Mademoiselle, — воскликнулъ я съ негодованіемъ, — конечно, послѣ горькаго опыта съ поцѣлуемъ руки, я здѣсь не стану повторять безполезныхъ попытокъ въ томъ же родѣ, но, parole d'honneur, если бы мы встрѣтились съ вами на землѣ, я бы не сталъ рабски подражать нѣсколькимъ безумцамъ и копировать ихъ поступки, какъ эта обезьяна, я говорю о Мишѣ. Нѣтъ! Даю слово, мы съ вами нашли бы и смыслъ и цѣль жизни.

— О, вы напрасно осуждаете Мишу! Ахъ, онъ такъ говоритъ, такъ говоритъ.

— Желалъ бы увидѣть этого попугая.

— А вотъ и онъ, — воскликнула моя собесѣдница. — Но, конечно, въ видѣ тѣни.

Дѣйствительно, между нами появилась какая то громадная тѣнь, но скорѣе тѣнь колокольни, чѣмъ человѣка.

Признаюсь, сначала я вздрогнулъ отъ неожиданности, да и тѣнь была не менѣе шести съ половиной футовъ росту. Однако, вспомнивъ, что, вѣдь, и я тоже сталъ тѣнью самого себя, я не потерялъ присутствія духа, и, замѣтивъ, что этотъ чурбанъ сталъ настолько близко ко мнѣ, что занялъ собою почти половину меня самого, такъ что при его громадномъ ростѣ, моя голова очутилась въ его животѣ, — я холодно попросилъ этого невѣжу отодвинуться подальше, такъ какъ такое совмѣстительство было вовсе мнѣ не по душѣ.

Однако, этотъ нахалъ не обратилъ на мои слова ровно никакого вниманія и, обернувшись къ красавицѣ, сталъ ей что то тихо нашептывать.

Съ своей стороны и я не желалъ уступать ему, и потому, что бы выжить его изъ себя, сталъ вертѣться у него въ животѣ, стараясь вытолкнуть вонъ. Но ничего не помогало.

Тогда, чтобы выйти изъ этого сквернаго положенія и изъ Миши, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, прошелъ черезъ мою красавицу, обернулся, и, отвѣшивая ей самый низкій и изящный поклонъ, нѣжно прошепталъ:

— Гдѣ я могу надѣяться снова встрѣтиться съ вами, Mademoiselle?

— Право, трудно сказать, — отвѣтила она, улыбнувшись, — но я довольно часто прогуливаюсь именно здѣсь.

— И я также, — точно разбитый пожарный колоколъ прогудѣла тѣнь колокольни.

Я презрительно и вызывающе посмотрѣлъ на него еще разъ, раскланялся съ обворожительной покойницей и поспѣшно понесся прочь.

Пока я узналъ достаточно, теперь же нужно заняться земными дѣлами: посмотрѣть, что сдѣлали съ моимъ тѣломъ, узнать, какъ идетъ слѣдствіе, и, наконецъ, навѣстить Жоржа.

ГЛАВА IV.

Продолженіе перваго дня.

«Нѣтъ слѣдствія безъ причины».

Изъ логики.

«Не только слѣдствіе, но и тюрьма бываютъ безъ причины».

Изъ жизни.

Было около часа дня, когда я залетѣлъ къ Жоржу. Этотъ лѣнтяй еще нѣжился въ постели. Видъ у него былъ помятый и угнетенный. Должно быть моя смерть сильно таки на него повліяла.

Онъ тотчасъ же замѣтилъ меня, и опять страхъ перекосилъ его лицо и исторгнулъ изъ груди нечеловѣческій вопль.

— Diable m'emporte! Если, при видѣ меня, онъ всегда будетъ выть, мы врядъ ли до чего нибудь договоримся.

Поэтому я рѣшилъ прибѣгнуть къ строгости.

— Жоржъ, обратился я къ нему сурово, — Жоржъ! Если ты не перестанешь орать, я возьму тебя за шиворотъ, оттащу на кладбище и посажу въ братскую могилу, гдѣ погребено дюжины двѣ покойниковъ. Думаю, что поболтавши съ ними часокъ другой, ты попривык-

нешь къ нашему обществу и бросишь свою глупую манеру выть при моемъ появленіи.

Жоржъ моментально умолкъ и только безсмысленно ворочалъ глазами.

— Ну, вотъ и молодецъ, видишь, можно значитъ себя пересилить и не нервничать какъ женщина. Да и чего собственно ты боишься! Теперь вѣдь я духъ, тѣнь, и даже если бы захотѣлъ причинить тебѣ вредъ то не могъ. Вотъ смотри, я не могу тебя ни ударить, ни толкнуть.

При этихъ словахъ я подошелъ къ Жоржу и началъ шутя, какъ бы боксировать съ нимъ, причемъ мои руки безпрепятственно пронизывали его тѣло. Жоржъ каждый разъ при этомъ весь вздрагивалъ, точно отъ холода, хотя конечно я своими безтѣлесными ударами не могъ причинить ему никакого вреда.

— Ну, вотъ видишь, mon ange, я совершенно не имѣю тѣла и вполнѣ безопасенъ. Хочешь, я сейчасъ влѣзу въ тебя. Вотъ видишь, я уже стою въ тебѣ, чувствуешь. Да чего ты весь такъ дрожишь, чудакъ. Ну, вотъ я вышелъ, теперь хочешь, пробѣги сквозь меня, какъ, знаешь, въ циркѣ наѣздники проскакиваютъ сквозь обручъ, затянутый тонкой бумагой. Ну! Эйнъ, цвйе, дрей! Постой, зачѣмъ ты становишься на колѣни. Ага! Понимаю, ты указываешь умоляюще на двери. Ну, хорошо, хорошо, уйду, только ты смотри, чтобы при слѣдующемъ моемъ посѣщеніи, ты былъ совсѣмъ пай мальчикомъ. Ну, ну, иду, иду. Ахъ не старайся, пожалуйста, схватить и поцѣловать мою руку, вѣдь я же говорилъ тебѣ, что я безтѣлесенъ, да и къ чему такое униженіе. Ну прощай.

Вылетѣвъ изъ комнаты и пролетѣвъ квартала два, я вдругъ вспомнилъ, что не назначилъ Жоржу опредѣленнаго часа, когда снова посѣщу его. Пожалуй, бѣд-

ный малый, будетъ все время ждать меня и волноваться. Нѣтъ нужно на минутку вернуться и успокоить его.

Черезъ секунду я снова былъ у Жоржа.

Онъ стоялъ около туалета и дрожащей рукой наливалъ себѣ въ рюмку лавровишневыхъ капель. Боже мой, какъ осунулось и похудѣло за это время его лицо, положительно не ожидалъ, что онъ такъ ко мнѣ привязанъ.

Увидя меня, Жоржъ выронилъ пузырекъ, весь какъ то осунулся, нижняя челюсть его отвисла, а глаза полѣзли на лобъ.

— Жоржъ, я вернулся успокоить тебя и предупредить, чтобы ты не ждалъ меня раньше вечера. Но чего ты смотришь на меня такимъ звѣремъ. Прощай!

Дѣйствительно его зрачки запрыгали и засвѣтились какимъ то безумнымъ блескомъ. Можно было подумать, что онъ готовъ броситься на меня, поэтому я рѣшилъ дать ему немного успокоиться и поскорѣе вылетѣлъ изъ комнаты.

И вотъ я уже лечу по шумной улицѣ, споря съ свѣжимъ морознымъ воздухомъ въ легкости и подвижности. И какими грузными неповоротливыми казались мнѣ всѣ попадавшіеся на встрѣчу люди.

Свободнымъ, быстрымъ полетомъ, точно купаясь въ нѣжномъ эфирѣ, несусь я съ произвольной быстротой, то по улицамъ и площадямъ, то пронизывая деревья, дома, храмы: и нѣтъ чувства ни напряженія, ни утомленія.

Такъ фантазія, подхвативъ васъ на свои вдохновенныя крылья, оторвавшись отъ земли, легко и свободно витаетъ въ невѣдомыхъ мірахъ, мгновенно переносясь стъ одной планеты къ другой. къ солнцу, къ звѣздамъ.

Такъ клевета, мягко и незримо, точно ядовитый угаръ, быстро проникаетъ повсюду, отправляя сердца людей.

Когда я прилетѣлъ, наконецъ, къ ресторану, и черезъ крышу проникъ въ роковой кабинетъ, то засталъ власти на мѣстѣ преступленія.

Дожевывая послѣдніе куски обильнаго завтрака, предложеннаго имъ содержателемъ ресторана, они съ новымъ рвеніемъ принялись за слѣдствіе.

Слѣдователь, съ козлиной бородкой на желчномъ сухомъ лицѣ, съ крючковатымъ носомъ и острыми бѣгающими глазами, походилъ болѣе на ростовщика или фальшиво - монетчика, чѣмъ на жреца Ѳемиды. Онъ нервно покручивалъ свою жиденькую бородку и все время юлилъ около моего трупа.

Мой Богъ! Что за ужасное и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкое зрѣлище представлялъ теперь земной я! Оголенное, запачканное въ кровь и грязь тѣло, лишенное гибкости и упругости и застывшее въ угловатыхъ нежизненныхъ положеніяхъ, положительно внушало мнѣ отвращеніе и отталкивало меня.

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на слѣдователя, который съ видимымъ наслажденіемъ, точно коршунъ, кружился надъ трупомъ, пристально всматриваясь въ него своими хищными, зоркими глазами.

— Прежде чѣмъ отправить его на вскрытіе, мы должны сначала здѣсь выжать изъ трупа всѣ соки, чтобы имѣть пищу для слѣдствія. Это мое правило, говорилъ онъ, обращаясь къ щеголеватому помощнику пристава изъ гвардейцевъ.

Тотъ поморщился.

— Не завидная же пища у правосудія, брезгливо процѣдилъ онъ.

Слѣдователь холодно и строго посмотрѣлъ на него.

— Скажите вы ручаетесь за вѣрность вашихъ свѣдѣній объ убитомъ.

— Совершенно. Это молодой человѣкъ, хорошей фамиліи. Принадлежалъ онъ къ лучшему обществу, и

былъ типичнымъ представителемъ такъ называемой золотой молодежи, у которой, между прочимъ. золота то почти никогда не бываетъ, по крайней мѣрѣ своего. Ну, затѣмъ, конечно, никакихъ опредѣленныхъ занятій, громадное знакомство, масса долговъ, есть связи, родныхъ нѣтъ. Вотъ почти все. Впрочемъ, если желаете, можно допросить его прислугу.

— Нѣтъ, это мы всегда успѣемъ сдѣлать, а прежде нужно допросить трупъ, что онъ намъ скажетъ.

— Нечего сказать пріятный собесѣдникъ, замѣтилъ съ гримасой помощникъ пристава, — не знаю какъ вы, но я нахожу его довольно тошнотнымъ.

— Во всякомъ случаѣ онъ занимательнѣе многихъ самыхъ оживленныхъ болтуновъ. Насколько этотъ балбесъ, должно быть, былъ глупъ и смертельно скученъ при жизни, настолько теперь онъ интересенъ и поучителенъ.

— А! Какова наглость! подумалъ я въ бѣшенствѣ, задѣтый за живое. — Отзываться такъ о пострадавшемъ!

Напрасно я дѣлаю нечеловѣческія усилія, чтобы какъ-нибудь проявиться и не позволить отзываться о себѣ такъ неуважительно. Увы! Все тщетно! Невидимымъ духомъ вишу я въ воздухѣ и не могу ничѣмъ проявить своего негодованія.

Помощникъ пристава тоже видимо обидѣлся.

— Что же, много поучительнаго нашепталъ вамъ покойникъ, иронически спросилъ онъ.

— А вамъ это кажется непонятнымъ и страннымъ, съ видимымъ превосходствомъ отвѣчалъ слѣдователь. Впрочемъ это и понятно. Нужно имѣть особенныя способности, чтобы вести слѣдствіе. Вѣдь въ сущности, какія ничтожныя данныя получаемъ мы: какой-нибудь жалкій трупъ, окровавленный ножъ, ржавый топоръ,

грязный платокъ, обрывокъ веревки, клокъ волосъ, окурокъ.

Но когда вы собравши все это во едино и совокупно взвѣсивши уединитесь наконецъ и не спѣша обсмакуете и тщательно пережуете, то въ концѣ концовъ получится — нить.

Помощникъ пристава тоскливо поморщился: его видимо мутило отъ словъ слѣдователя.

— Если бы зналъ, что это за проклятый языкъ, — лучше бы не ѣлъ, подумалъ онъ осторожно откашливаясь.

— Вотъ вы съ презрѣніемъ относитесь къ трупу, продолжалъ тотъ, а настоящаго слѣдователя хлѣбомъ не корми, а дайте только ему никѣмъ еще не тронутое мертвое тѣло.

— О! Чтобъ тебя. Буду думать о чемъ-нибудь веселомъ, а то крошки и тѣ во рту начинаютъ расти. Попробовать развѣ закурить.

И помощникъ пристава торопливо полѣзъ за папиросами.

— Вообще это призваніе. Слѣдователемъ нужно родиться. Нѣкоторые, напримѣръ, не выносятъ, когда приходится вырывать изъ могилы порядочно таки залежавшагося покойника, а юнцы, не нюхавшіе еще трупа, приходятъ въ ужасъ, если нужно осмотрѣть его кишки, мозгъ, а по моему все это нужно всосать въ молокомъ матери.

— Тьфу окаянный, чтобы тебѣ подавиться первымъ попавшимся мертвецомъ, плакалъ помощникъ пристава, чувствуя легкое щекотаніе въ горлѣ и будто что-то подступаетъ къ нему. — Теперь дня три мясного въ ротъ не возьму.

— Да-съ, продолжалъ слѣдователь, конечно, много значитъ вдохновеніе или инстинктъ, но во всякомъ случаѣ трупъ — это база, база на которой зиждется

все слѣдствіе. Хотя, впрочемъ, я всегда готовъ отдать пальму первенства и преклониться передъ тѣмъ, кто первый сумѣетъ открыть преступника, какимъ бы способомъ онъ это ни сдѣлалъ.

— Въ такомъ случаѣ берегитесь, подхватилъ помощникъ пристава, желая перемѣнить разговоръ. — Смотрите, какъ бы вамъ не пришлось отдать пальму первенства Пику, за которымъ я уже давно послалъ.

— Пику, вскричалъ съ неудовольствіемъ слѣдователь, злобно сверкнувъ глазами на представителя полиціи, — вы послали за Пикомъ, этой дрянной полицейской ищейкой!

— Да, я послалъ за ней, кстати, вотъ и она!

Дѣйствительно, въ это время дверь кабинета отворилась и въ нее стремительно влетѣлъ Пикъ въ сопровожденіи агента.

Это былъ чрезвычайно подвижной жизнерадостный песъ. Дружелюбно махнувъ намъ на ходу хвостомъ, въ видѣ привѣтствія, онъ тотъ часъ же, сломя голову, принялся за работу. Не прошло и минуты, какъ онъ успѣлъ уже побывать во всѣхъ углахъ комнаты, съѣсть валявшіеся на полу остатки ужина, и отыскать притаившагося подъ диваномъ кота.

Несомнѣнно, котъ имѣлъ какую то связь съ преступленіемъ, такъ какъ Пикъ съ величайшей энергіей принялся за его поимку.

Началась бѣшеная погоня, и этотъ геніальный песъ показалъ въ лицахъ точную картину скачекъ, предшествовавщую моему убійству, причемъ мою роль игралъ котъ, а роль Крѣпыша — Пикъ.

Признаюсь, если бы я обладалъ сотой долей увертливости и ловкости кота, я бы до сихъ поръ былъ между вами.

Это проворное животное, точно мягкая, пушистая молнія съ безумной быстротой носилось по всей ком-

натѣ. Почти одновременно вы могли видѣть его то между ногъ слѣдователя, то на шторѣ, то на плечѣ помощника пристава, въ чернильницѣ, на головѣ письмоводителя.

Однако и Пикъ не посрамилъ себя: его зубы почти всегда были только на одинъ вершокъ отъ кончика котинаго хвоста, и, если котъ одолѣвалъ препятствія ловкостью, то Пикъ бралъ ихъ грудью. Въ нѣсколько минутъ все, не исключая и моего трупа, оживилось и приняло совершенно другой видъ: цвѣты съ разбитыми горшками лежали на коврѣ, а вмѣсто нихъ на подоконникахъ оказались помощникъ пристава и письмоводитель, прикрывшіе зачѣмъ то свои головы обрывками гардинъ; мой трупъ, положенный было, какъ и подобаетъ на столъ, валялся теперь на полу, а на его мѣстѣ сидѣлъ поджавъ ноги и кутаясь съ головой въ скатерть судебный слѣдователь.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончились дальнѣйшіе розыски преступника, если бы котъ, взлетѣвъ на самую верхушку помощника пристава, не удралъ изъ подъ самаго его носа въ открытую фортку. Тогда Пикъ веселый и возбужденный, широко улыбаясь, остановился посреди комнаты съ выраженіемъ артиста, ожидающаго взрыва заслуженныхъ рукоплесканій.

— Ну, каково работаетъ? — съ нескрываемой гордостью и восхищеніемъ спросилъ агентъ.

— Уберите прочь эту негодную собаку, — истерически накинулся на него слѣдователь, тогда какъ помощникъ пристава, пользуясь минутнымъ затишьемъ, запустилъ въ бокъ Пику, тяжелую пепельницу.

Взвизгнувъ, онъ, какъ геній, не оцѣненный современниками, грустно отошелъ къ столу, понюхалъ мой трупъ, съ отвращеніемъ отвернулся, слегка зарычалъ на шевельнувшагося слѣдователя, и, наконецъ, съ видомъ

мученика за идею, залѣзъ подъ диванъ и сталъ меланхолично грызть фуражку помощника пристава.

— Уберите вонъ отсюда эту собаку, — продолжалъ вопить слѣдователь. — Именемъ закона, прогоните ее прочь!

— Но кто же тогда разыщетъ преступника, — обидчиво спросилъ агентъ.

— Ну, ужъ все равно, забирайте собаку, — слѣзая съ подоконника, приказалъ помощникъ пристава. — Смотрите! Она грызетъ мою фуражку! Почему это вы водите этого негодяя безъ цѣпи и намордника! А! Сейчасъ же уберите его отсюда.

— Пикъ! Пикъ! Иси, иси, сюда, мерзавецъ! — раздраженно звалъ окончательно обиженный агентъ. — Ну, чего остановился, подлизывать шампанское; недоставало еще, чтобы ты нализался, проклятый песъ.

Однако, выдворить Пика оказалось вовсе не такой легкой задачей. Наконецъ, при помощи письмоводителя, вооруженнаго щеткой, сабли помощника пристава, ноги судебнаго слѣдователя, калошъ, подсвѣчниковъ, чернильницы и другихъ метательныхъ предметовъ, удалось таки вывести изъ комнаты непризнаннаго героя, злобно щелкавшаго на всѣхъ зубами.

Послѣ этой тяжелой сцены, энергія слѣдователя значительно ослабѣла. Онъ наскоро закончилъ осмотръ трупа и перешелъ со своимъ письмоводителемъ въ другую комнату, возстановлять погибшій во время предыдущихъ событій протоколъ.

— Ну, что вы все ерзаете на стулѣ, — обратился онъ черезъ нѣкоторое время къ письмоводителю, — навѣрно уже придумали какую нибудь фантастическую исторію!

— Почему же непремѣнно фантастическую!

— Да потому, что у васъ ужъ такая привычка, дѣлать оригинальные, ни съ чѣмъ не сообразные выводы.

Помните, когда мы разслѣдовали дѣло объ убитомъ извозчикѣ, не вы ли утверждали, что убитъ собственно не извозчикъ, а дама изъ высшаго общества, которую онъ везъ, а извозчикъ только деталь, которая почти не относится къ дѣлу. А когда вырѣзали всю семью чиновника, кто говорилъ, что это просто довольно рѣдкій случай массоваго самоубійства.

—Да, все это я предполагалъ, и все такъ и должно было бы быть, если бы совершалось, какъ слѣдуетъ.

— То есть, наоборотъ, какъ не слѣдуетъ.

— А почему же вы ничего не скажете объ убійствѣ доктора. Кто, какъ не я оказался правъ.

— Да, но это было всего одинъ разъ, и вы оказались правы только потому, что это безсмысленное преступленіе совершилъ бѣжавшій сумасшедшій, который дѣйствовалъ внѣ всякихъ законовъ логики.

— Вы ни во что ставите силу воображенія.

— Ну, ну, ладно, говорите, что вы тамъ выдумали по поводу этого убійства!

— Во первыхъ, — отвѣчалъ письмоводитель, откидывая съ своего поэтическаго лба волосы и вдохновенно глядя на потолокъ, — здѣсь нѣтъ убійства, а — самоубійство.

Признаюсь, при этой фразѣ я подскочилъ до потолка и даже немного прошелъ черезъ него, но опытный слѣдователь, очевидно человѣкъ обстрѣлянный, не повелъ даже бровью.

— Я ожидалъ чего нибудь въ этомъ родѣ, — спокойно замѣтилъ онъ, — но начнемъ все сначала, и постараемся быть сдержанными и логичными. Итакъ, прежде всего, кто по вашему убитъ, мужчина или женщина.

— На этотъ разъ это — дѣйствительно мужчина.

— Прекрасно. Одно обстоятельство установлено. Теперь далѣе. Мы нашли здѣсь разбитую бутылку съ шампанскимъ и убитаго человѣка съ явными слѣдами

удара въ голову какимъ то твердымъ предметомъ и съ осколками въ ней стекла. Ну-съ, какой, по вашему, можно сдѣлать отсюда логическій выводъ.

— Что голова убитаго человѣка была крѣпче бутылки шампанскаго.

— А ваша, кажется, и того крѣпче!

— Не сердитесь и позвольте мнѣ самому говорить и доказать, что я правъ. На этотъ разъ я буду говорить совершенно логично, въ вашемъ вкусѣ.

— Ну, попробуйте.

— Установлено ли свидѣтельскими показаніями, что въ кабинетѣ было трое.

— Установлено.

— Установлено ли, что, когда слуга несъ туда десертъ, мужчина и женщина, то есть двое, уже уѣхали?

— Да, такъ показалось швейцару, который выпустивъ ихъ, поднялся на верхъ и видѣлъ въ это время проходившаго съ десертомъ слугу.

— Превосходно! Но этотъ же самый слуга утверждаетъ, что, когда онъ несъ десертъ, онъ встрѣтилъ еще живого покойника, и только, взойдя въ кабинетъ, засталъ его мертвымъ. Такимъ образомъ, ясно, что только самъ покойникъ могъ лишить себя жизни, а, слѣдовательно, это не убійство, а самоубійство. Кажется, я разсуждаю вполнѣ логично.

— Да, да, но только вы удивительно своеобразно выражаетесь: «живой покойникъ», «покойникъ самъ себя лишилъ жизни», признаться, отъ нихъ у меня немного рябитъ въ головѣ, впрочемъ, вы правы, тутъ дѣйствительно, что то не ладно.

— Теперь, если хотите, я разскажу вамъ болѣе подробно, въ чемъ тутъ дѣло.

— Ну.

— Тутъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, нужно искать женщину. Двое молодыхъ людей влюблены. Она не знаетъ,

кому отдать предпочтеніе. И вотъ, они рѣшаютъ предоставить все судьбѣ. Происходитъ нѣчто въ родѣ американской дуэли. Они бросаютъ жребій. Покойникъ, на котораго онъ палъ, остается и лишаетъ себя жизни.

— Господи, опять покойникъ! Изъ одного мертвеца вы способны выкроить ихъ цѣлую дюжину.

— Однако, вы должны согласиться, что я правъ.

— Да, показаніе лакея, дѣйствительно, говоритъ въ пользу вашей догадки.

Боже мой, вотъ что надѣлало мое случайное проявленіе передъ слугой. Благодаря ему и этому фантазеру, теперь спутается все слѣдствіе, и я останусь неотомщеннымъ. Вотъ вамъ наука: никогда не проявляйтесь передъ лакеемъ!

Теперь единственная надежда на Жоржа, только онъ одинъ, по моимъ указаніямъ, можетъ направить слѣдствіе по истинному пути.

Прійдется слетать къ нему, тѣмъ болѣе, что здѣсь, кажется, мнѣ рѣшительно нечего дѣлать; не слушать же дикія фантазіи письмоводителя; мой трупъ тоже не можетъ притягивать меня сюда, такъ какъ его отправляютъ сейчасъ въ анатомическій театръ. Увы! Это единственное развлеченіе, которое доступно ему теперь.

Только что былъ у Жоржа. Узналъ печальную новость. Бѣдняга помѣшался, и его свезли въ больницу. Нужно будетъ его провѣдать. Правду сказать, трудно было ожидать, что Жоржъ можетъ сойти съ ума.

Интересно знать причину!

Неужели моя смерть могла такъ потрясти этого добряка!

Если это такъ, то мнѣ еще болѣе его жаль, и тогда моя святая обязанность не оставлять его въ горѣ и почаще навѣщать.

Прійдется остатокъ сегодняшняго дня посвятить прощальнымъ земнымъ визитамъ, кстати, можетъ быть, удастся и проявиться передъ кѣмъ-нибудь.

ГЛАВА V.

День второй.

Духъ есть гражданинъ вселенной.

Вчера облетѣлъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ. Проявиться передъ ними не удалось, но за то они проявились передо мною во всей своей прелести.

Генералъ правъ: поддерживать сношенія съ людьми совершенно не интересно, и въ концѣ концовъ они скучны и однообразны въ своей пошлости и эгоизмѣ.

Не стану приводить всѣхъ выслушанныхъ о себѣ мнѣній. Буду скроменъ и пусть случайно подслушанныя слова умрутъ вмѣстѣ со мною. Скажу только одно — изъ всѣхъ живыхъ существъ моя смерть опечалила только одно — мою собаку.

Понуря голову, сгорбившись, сидитъ она неподвижно въ моемъ кабинетѣ, печально смотря своими умными глазами на пустое кресло.

— Твою лапу, вѣрный другъ!

И, когда я подумаю, что я, человѣкъ, существо высшее, научилъ это умное животное съ благороднымъ сердцемъ только таскать поноски и служить, оно же — оно научило меня, царя природы, безкорыстной преданности и любви, тогда... тогда мнѣ становится немного стыдно.

— Перестань же грустить, добрый товарищъ; право — не стоитъ! Лучше еще разъ, послѣдній:

— Дай твою вѣрную лапу!

Посѣтилъ, конечно, и ее, мою послѣднюю земную любовь. Увы! Моя смерть ничуть не уменьшила ея аппетита. Я засталъ ее какъ разъ за обѣдомъ и видѣлъ, какъ она съ видимымъ удовольствіемъ вонзала свои ровные, бѣлые зубки въ ножку цыпленка, отрывала отъ нея мясо и пережевывала его, шевеля прелестными розовыми губками, покрытыми легкимъ налетомъ масла. Какъ ни граціозно и мило продѣлывала она все это, но, признаюсь, процессъ принятія пищи показался мнѣ на этотъ разъ неопрятнымъ и грубымъ. Что то животное, низменное, унижающее было въ немъ.

И какъ я гордъ былъ тѣмъ, что не нуждаюсь теперь ни въ жилищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ, кромѣ дешевизны жизни, это доставляло мнѣ еще и нравственное удовлетвореніе, такъ какъ я ясно сознавалъ себя существомъ болѣе высшимъ и совершеннымъ, чѣмъ люди.

Можетъ быть, поэтому интересъ къ прежней жизни во мнѣ какъ то стихаетъ. Даже столь сильное прежде желаніе, во что бы то ни стало отыскать своего убійцу и наказать его, почти заглохло во мнѣ. Земные интересы кажутся мелкими и ничтожными.

Сегодня, поднявшись высоко надъ землею, всю ночь провисѣлъ въ воздухѣ. Подо мною въ легкой дымкѣ была земля, но звуки ея не могли достигнуть сюда и нарушить торжественную тишину вселенной. А надо мною въ глубокой черной безпредѣльности сверкали невѣдомые міры, и эти міры интересовали меня теперь больше, были мнѣ какъ то ближе, чѣмъ тусклая маленькая земля, и я тянулся къ нимъ своей безсмертной душой.

Такъ всю ночь безмолвную и торжественную провисѣлъ я неподвижно между землей и небомъ и все думалъ... думалъ... думалъ...

. . . .

. . . .

День третій.

Вчера весь день провелъ въ размышленіи, меланхоліи и философіи, но сегодня, завернувъ на кладбище, снова встрѣтилъ ее, и всю грусть и философію, какъ рукой сняло.

Она говорила, что такія минуты унынія переживаютъ почти всѣ покойники. На высотѣ отъ одной до десяти тысячъ футовъ надъ поверхностью земли вы, по ея словамъ, всегда можете разсчитывать встрѣтить отъ одной восьмой, до одной шестнадцатой части покойника на каждую кубическую сажень. Они, точно повѣшенные, уныло висятъ въ воздухѣ, размышляя о превратностяхъ судьбы и ничтожествѣ человѣческой жизни.

Такъ какъ этотъ дневникъ предназначается для просвѣщенія человѣчества, чтобы дать людямъ хоть приблизительное понятіе о томъ, что ихъ ожидаетъ при первыхъ шагахъ въ будущей жизни, а также въ поученіе и на пользу еще не собравшимся умирать людямъ, то я считаю умѣстнымъ обратить вниманіе всѣхъ воздухоплавателей, какъ тяжелѣе, такъ и легче воздуха, на слова моей прелестной собесѣдницы.

Итакъ, кто не особенно жаждетъ сильныхъ ощущеній и не желаетъ столкнуться носъ къ носу съ покойникомъ, пусть не подымается ночью надъ землей выше тысячи футовъ, такъ какъ за этой чертой воздухъ положительно кишитъ мертвецами.

Но вернемся къ прелестной покойницѣ, съ которой мы провели нѣсколько очаровательныхъ часовъ.

Оказывается, что и здѣсь существуетъ флиртъ, конечно, онъ не такъ грубъ, какъ на землѣ, но, parole d'honneur, женщина и въ будущей жизни такъ же умѣло пользуется всякимъ способомъ и обстоятельствомъ, чтобы блеснуть своей красотой, какъ и на землѣ.

Если бы вы видѣли, какъ, опустивъ кокетливо рѣсницы, она сгущала на своихъ кругленькихъ ямочкахъ тонкій прозрачный эфиръ, и, умѣло разсчитавъ уголъ паденія солнечнаго луча, заставляла его отразиться въ нихъ и загорѣться нѣжнымъ румянцемъ.

А какъ глубоко и горячо это же солнце смотрѣло изъ ея глазъ!!!

Э, да что говорить... Не приплетись опять и не накрой снова меня гигантская тѣнь Миши, мы бы положительно катнули съ ней куда-нибудь за городъ... Впрочемъ это, кажется, я хватилъ не изъ будущей, а изъ прошедшей жизни.

Конечно, послѣ того, какъ наше tête à tête было прервано, я поспѣшилъ откланяться.

Не пролетѣлъ я и сотни шаговъ, какъ столкнулся съ генераломъ, то есть, собственно говоря, мы пронеслись одинъ сквозь другого и узнали другъ друга только, оглянувшись назадъ.

Генералъ былъ въ превосходномъ настроеніи духа: онъ только что похоронилъ своего закадычнаго друга, съ духомъ котораго, по его выраженію, онъ успѣлъ уже «сцѣпиться» и «разнести» его.

— Угадайте, батенька, гдѣ я пропадалъ это время, — началъ онъ, взявъ по обыкновенію, меня за верхнюю пуговицу.

— Ну, гдѣ же! Въ министерствѣ?

— Чего ради!

— Въ своемъ фамильномъ склепѣ?

— Ну вотъ еще!

— Въ балетѣ?

— Хэ, хэ. Нѣтъ!

— Ну, такъ на лунѣ, что ли?

— Приблизительно. Виталъ это я въ высшихъ сферахъ, вы, конечно, помните, что тамъ атмосферы этой, воздуха совершенно нѣтъ, такъ что, знаете, мертвецу и

тому дышать тяжело — нечѣмъ. Холодина смертная, а небо не синее, а черное. Залетѣлъ я туда, конечно, по легкомыслію. Всегда это, знаете ли, любилъ я того... звѣзды, а тутъ одна, какъ нарочно, эдакъ свѣтитъ, точно подмаргиваетъ. Ну и полетѣлъ я къ ней. Лечу это я къ ней безъ страха и упрека, какъ говорится, и въ усъ себѣ не дую, да какъ то случайно возьми да и посмотри внизъ, а земля тамъ подо мной уже только въ орѣшекъ стала. Тутъ, знаете ли, я и опомнился. А что, думаю, вдругъ пока я долечу до нее, она, какъ помните, въ разсказѣ у Жюль Верна, въ это время сама улетитъ Богъ знаетъ куда, и очутюсь я одинъ безъ путеводной звѣзды, въ эдакихъ пространствахъ, и буду наугадъ безъ толку блуждать между планетами, такъ и не полетѣлъ дальше — вернулся.

— А я, знаете, ваше превосходительство, тоже подумывалъ было попутешетсвовать, но только, конечно, по землѣ.

— Рекомендую, положительно, рекомендую, я самъ того... побывалъ кое гдѣ. Конечно, какъ человѣкъ молодой, вы, я знаю, какую тамъ флору и фауну будете изучать... такъ вотъ побывайте на о. Таити. Не пожалѣете. Женщины и климатъ прелестны, и, право, затрудняюсь сказать, что тамъ легче — одежды или нравы. Непремѣнно побывайте. Потомъ благодарить будете.

Поболтавъ еще съ полчаса съ генераломъ, я простился съ нимъ и полетѣлъ разыскивать Жоржа.

Жоржъ, какъ въ воду канулъ. Нигдѣ не могу найти его.

День пятый.

По совѣту генерала эти дни путешествовалъ. Прогулка была довольно занимательная. Масса впечатлѣній и наблюденій. Генералъ ошибается, я вовсе не такъ од-

носторошенъ, какъ онъ думаетъ. Напримѣръ, въ Китаѣ, я положительно обнаружилъ перепроизводство населенія: почти нѣтъ ни одной семьи, гдѣ бы не ползало трехъ-четырехъ этакихъ Конфуціевъ. Въ Америкѣ женщинъ мало, и онѣ не въ моемъ вкусѣ, конечно, исключая дочерей милліардеровъ.

Таити... прелесть! Что же касается до другихъ странъ, то патагонки, по моему. слишкомъ высоки, готентотки же ужъ очень низки, но во всякомъ случаѣ, общій выводъ одинъ: — женщина — вездѣ женщина, вездѣ украшеніе и радость жизни. Даже канибалы, на что уже грубый, лишенный свѣта цивилизаціи, народъ, даже и они предпочитаютъ женщину мужчинѣ. Они положительно утверждаютъ, что женщины никогда не бываютъ такими грубыми и черствыми, какъ нашъ братъ, и что ихъ нѣжность и мягкость скорѣе напоминаетъ дѣтей. Правду сказать, я никакъ не ожидалъ найти такой тонкости и деликатности чувствъ у дикарей. Послѣ этого я рѣшительно утверждаю, что женщина — самое лакомое блюдо для всего человѣчества!

Да! Между прочимъ, открылъ оба сѣверныхъ полюса. Ничего интереснаго: снѣгъ, ледъ, собачій холодъ; въ общемъ — чепуха! Никакихъ слѣдовъ ни Пири, ни Кука, ни Амундсена не нашелъ. Увѣренъ, что они врутъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, что тамъ были.

Извольте-ка ихъ провѣрить!

Кому охота тащиться на собакахъ, а то и собакъ тащить на себѣ, до самаго сѣвернаго полюса, и только для того, чтобы узнать, былъ ли тамъ Кукъ или Пири.

Расчитано чертовски вѣрно! Поди провѣрь!

Полюсы стали открывать только послѣ того, какъ человѣчество развратилось и люди потеряли всякій стыдъ.

Прежде бывало соберется экспедиція, запасется непремѣнно національнымъ флагомъ, чтобы водрузить его

на полюсѣ и отправится блуждать. Обыкновенно, всѣ не доходили до полюса какого нибудь пустяка, чуть ли не нѣсколько шаговъ.

Большинство даже и не возвращалось оттуда, а, если кто и пріѣзжалъ назадъ, то почти всегда на эскимосахъ. И представьте, не смотря ни на что, ни у одного изъ путешественниковъ не повернулся языкъ приврать: «былъ де на полюсѣ».

Нѣтъ! Напротивъ! Всякій говорилъ: «а ну ка попробуйте теперь вы!».

Это, я понимаю, благородно.

Всегда нужно имѣть такое мѣсто, куда нельзя добраться.

Для забавы!

А такъ просто, взять, да и влѣзть въ самый полюсъ, безъ всякихъ приключеній и потерь, точно пойти въ ледникъ за квасомъ, это... Это ужъ — хамство.

А главное, все это наглая ложь, и я утверждаю, что до меня, кромѣ моржей, бѣлыхъ медвѣдей и утокъ, никого тамъ не было, да правду сказать, и не стоило туда забиваться.

Однако, какъ ни пріятно путешествіе, долженъ сказать, что земля перестала меня занимать, какъ прежде, положительно, меня, что то тянетъ туда, въ безконечность, къ невѣдомымъ мірамъ!

День шестой.

Сегодня удачный день. Наконецъ, таки, я нашелъ Жоржа. Онъ сидитъ въ самомъ фешенебельномъ сумасшедшемъ домѣ, въ хорошемъ и даже изысканномъ обществѣ. По крайней мѣрѣ, я самъ видѣлъ трехъ королей, нѣсколькихъ принцевъ и даже одного бога, какого, такъ и не разобралъ. Была тамъ и королева, впрочемъ, удивительно странная; она почему то носила усы, бороду и штаны.

Если бы вы видѣли, какъ бѣдняга обрадовался мнѣ. Онъ даже прослезился. Вотъ она, настоящая дружба!

Что пріятнѣе всего поразило меня, это то, что Жоржъ совершенно пересталъ меня бояться; теперь онъ игривъ и веселъ со мною по прежнему.

Оказывается, по его словамъ, онъ вовсе не сумасшедшій. Вышло колоссальное недоразумѣніе, виною которому отчасти и я. Дѣло въ томъ, что прислуга Жоржа, обезпокоенная его криками при нашихъ предыдущихъ свиданіяхъ, пригласила къ нему доктора, которому Жоржъ откровенно и разсказалъ про мои появленія и бесѣды съ нимъ.

Выслушавъ Жоржа, этотъ болванъ не нашелъ сдѣлать ничего умнѣе, какъ усадить его въ карету и увести обманнымъ образомъ, вмѣсто балета, какъ обѣщалъ, въ сумасшедшій домъ.

Теперь Жоржъ не можетъ его равнодушно видѣть и преслѣдуетъ своими насмѣшками, а иногда даже и пинками.

Впрочемъ, этотъ чудакъ относится ко всѣмъ его выходкамъ чрезвычайно добродушно и постоянно пичкаетъ его лѣкарствами. Вчера поставилъ ему на затылокъ мушку, за что Жоржъ поклялся отомстить ему.

Уже около часу весело и непринужденно болтали мы съ Жоржемъ, и онъ громко хохоталъ надъ своими и моими приключеніями, какъ вдругъ, приложивъ палецъ къ губамъ, онъ, съ лукавой улыбкой кивнулъ на дверь.

Оглянувшись, я увидѣлъ, что въ нее просовывалась гладкая и блестящая, какъ билліардный шаръ, лысая голова доктора, который, покачивая головой, внимательно прислушивался къ громкому разговору и смѣху Жоржа.

Когда Жоржъ умолкъ, онъ совсѣмъ раскрылъ дверь и вошелъ въ комнату.

— Ну, какъ вы себя сегодня чувствуете, мой другъ, ласково, съ видимымъ сочувствіемъ, спросилъ онъ.

— Благодарю васъ.

— Я проходилъ тутъ мимо, слышу вашъ веселый смѣхъ, вотъ и завернулъ на минутку.

— Да, мы тутъ разболтались. Ахъ! Простите! Вы не знакомы! Духъ моего друга — мой докторъ.

Я привсталъ и поклонился.

— Очень пріятно, — пробормоталъ докторъ съ довольно глупымъ видомъ, раскланиваясь, мимо меня, куда то въ пустой уголъ комнаты.

— А давно вы бесѣдуете!

— Порядочно.

— Те, те, те, а гдѣ же ваша мушка?

— Кажется, за окномъ.

— Вотъ и не хорошо, не хорошо, мой другъ, вотъ почему намъ и хуже, опять насъ безпокоятъ духи. Ну, давайте ка я вамъ поставлю свѣженькую. И докторъ, вытащивъ изъ кармана какой то свертокъ, началъ рыться въ немъ, что то отыскивая.

— Слыхалъ, — обратился ко мнѣ съ негодованіемъ Жоржъ. — Опять мушку! Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Онъ страшно заволновался, зрачки его сузились и запрыгали.

— О, оселъ, оселъ!!! — иступленно закричалъ онъ, въ бѣшенствѣ сжимая кулаки.

— Гдѣ, гдѣ, оселъ, — торопливо оглядываясь спросилъ докторъ.

— За дверью! — съ неудержимымъ хохотомъ закричалъ Жоржъ, быстро повернувъ его и, ловкимъ ударомъ колѣна въ спину, высаживая за дверь.

Признаюсь, послѣ исчезновенія доктора, мы еще долго хохотали съ Жоржемъ надъ этой ловкой продѣлкой.

Въ это же свиданіе мы съ нимъ и рѣшили писать

этотъ дневникъ. Во-первыхъ, для того, что бы выяснить докторамъ, въ чемъ дѣло, что Жоржъ совершенно здоровъ и нечего его облѣпливать мушками, а, во-вторыхъ, какъ я уже говорилъ, въ назиданіе потомства.

Такъ какъ я не въ состояніи держать въ рукахъ перо, то я диктовалъ, а Жоржъ писалъ.

Еще, будучи въ пажескомъ корпусѣ, я получалъ всегда за сочиненія высшій баллъ, такъ что, думаю, что этотъ дневникъ будетъ читаться довольно легко. Правда, сочиненія писалъ мнѣ, собственно говоря, братъ-студентъ, но все равно, вѣдь и теперь пишу не я самъ, а Жоржъ.

День десятый.

Mon Dieu, какъ я убитъ! Какое ужасное горе. Вчера мы потеряли ее. Вчера этой незабвенной покойницѣ исполнилось ровно сорокъ дней, и она покинула насъ, переселившись въ другой, будемъ надѣяться, лучшій міръ.

Боже мой, какъ это печально, тѣмъ болѣе, что наши отношенія стали принимать все болѣе и болѣе интимный характеръ, такъ что генералъ даже поздравлялъ меня съ новой побѣдой.

Мы съ ней, какъ юные неопытные покойники, проходили школу загробной любви и, parole d'honneur, эта наука не казалась намъ очень трудной, и мы навѣрно были самыми прилежными и лучшими учениками.

Впрочемъ, должно признаться, что наши занятія не пропали даромъ, по крайнѣй мѣрѣ, я сейчасъ съ успѣхомъ даю уроки этой самой пріятной науки тремъ молодымъ граціознымъ тѣнямъ.

Но все же ея милый образъ часто, часто тревожитъ мое воображеніе, возникая въ немъ очаровательнымъ, манящимъ призракомъ.

Такъ дивная мелодія, давно уже смолкнувъ, все еще звучитъ въ вашей душѣ нѣжными аккордами.

День двадцать девятый.

Бѣдный Жоржъ, что они дѣлаютъ съ нимъ. Несчастному малому точно каторжнику выбрили голову и капаютъ на нее по каплямъ воду. Очевидно они задались цѣлью провѣрить на головѣ моего друга пословицу: «капля и камень пробиваетъ».

Мы спѣшимъ закончить скорѣе дневникъ, чтобы вырвать Жоржа изъ рукъ мучителей. Кромѣ того, мнѣ осталось совсѣмъ мало времени. Скоро и мнѣ стукнетъ сорокъ дней, и я на вѣкъ разстанусь съ землей.

Впрочемъ, лично меня эта мысль не страшитъ нисколько и совершенно не печалитъ.

Со времени моей смерти, я такъ много пережилъ и перечувствовалъ, что сталъ совершено инымъ. Скончавшись я, такъ сказать, переродился. Земные интересы для меня теперь такъ же далеки, какъ раньше были духовные. Мой духъ, я чувствую, здѣсь временный жилецъ, и его все больше и больше влечетъ въ безконечность.

Сороковой день.

Послѣдній день. Жоржъ торопливо дописываетъ послѣднія строчки, пользуясь временной свободой, такъ какъ бѣдняга теперь большую часть своего времени проводитъ въ смирительной рубашкѣ, которая, конечно, можетъ связать руки и болѣе опытному писателю, чѣмъ Жоржъ.

Сегодня мы его окончимъ: дня въ два Жоржъ его перепишетъ, передастъ докторамъ и получитъ свободу.

Такимъ образомъ, закончивъ этотъ трудъ, я заканчиваю имъ всѣ свои земныя дѣла и обязанности.

Прощай же земля, обширная колыбель, въ которой барахтается все человѣчество, спутанное всевозможны-

ми свивальниками. Я оставляю тебѣ все, что было во мнѣ земного — мое тѣло, духъ же мой свободный и безсмертный стремится теперь въ иные міры къ иной высшей жизни.

Прощайте и вы, заключенные въ грубую земную оболочку, люди!

Только теперь, сбросивъ позорныя цѣпи матеріи, вижу я всѣ ваши несовершенства и понимаю причины вашихъ бѣдствій.

Только теперь, летая свободнымъ безплотнымъ духомъ, позналъ я пагубное значеніе тѣла.

Взгляните на насъ, мертвецовъ!

Вѣдь мы, переселяясь въ вѣчность, захватили съ собой всѣ недостатки, всѣ страсти, всѣ пороки, присущіе человѣчеству. Вѣдь всѣ покойники — бывшіе люди.

Однако, посмотрите, какую примѣрную жизнь ведутъ всѣ. У насъ нѣтъ ни воровства, ни дракъ, ни грабежей, ни убійствъ.

А почему?

Неужели вы думаете, что человѣку достаточно сложить руки и протянуть ноги, чтобы не нуждаться ни въ прокурорѣ, ни въ околодочномъ.

Ничуть не бывало! Вопросъ разрѣшается гораздо проще.

Все дѣло въ томъ, что у насъ нѣтъ тѣла, а только одинъ духъ!

Духъ и тѣло!!!

Двѣ враждующія силы! Огонь и вода! Конечное и безсмертное! Ставши духомъ, вы сразу избавляетесь отъ всѣхъ непріятностей земли:

Пусть-ка попробуетъ кто-нибудь вытащить у духа изъ кармана носовой платокъ, избить привидѣніе, или прирѣзать тѣнь!

Кромѣ того, у мертвеца есть еще и другія преимущества:

Ему не надо ломать голову, чѣмъ бы накормить навязанное ему тяжелое неповоротливое тѣло, гдѣ положить его, чѣмъ согрѣть, во что одѣть. Вотъ почему, если людской жизни, можно сказать, грошъ цѣна, — жизнь покойника не стоитъ ни копѣйки, а ужъ дешевле этого нечего и искать!

Итакъ все дѣло въ матеріи. Чѣмъ ее въ человѣкѣ больше, а духа меньше, тѣмъ человѣкъ несовершеннѣе. Поэтому, всегда избѣгайте людей высокаго роста, тучныхъ, что называется, въ тѣлѣ; это по большей части люди порочные, низкіе, негодяи. Не вѣрьте имъ, въ какую бы тонкую матерію не драпировали они свою низкую душу. Наоборотъ, если вы хотите, напримѣръ, имѣть добродѣтельную жену — выбирайте непремѣнно маленькую, худую, костлявую, похожую на скелетъ дѣвицу, у которой, какъ говорится: «еле-еле душа въ тѣлѣ», даю слово, что при такомъ благоразумномъ выборѣ, ничья непрошенная рука не будетъ подкладывать дровъ въ вашъ домашній очагъ.

Мнѣ положительно бываетъ смѣшно, когда говорятъ, что въ здоровомъ тѣлѣ — здоровый духъ. Это ошибка классическихъ философовъ. Точно достаточно вырасти здоровой дылдой, чтобы имѣть высокій духъ.

Такимъ образомъ, чтобы достичь наибольшаго совершенства, нужно стремиться имѣть какъ можно менѣе матеріи, и всегда держать ее въ подчиненіи духу, я бы сказалъ, въ черномъ тѣлѣ, если бы это не было такъ негигіенично.

Правда, можно схитрить и совершенно избавиться отъ тѣла. Напримѣръ, идя по мосту, сдѣлать видъ, будто поскользнулся и сбросить его въ воду, или, какъ бы по разсѣянности повѣсить его на крѣпкій крючекъ, вмѣсто шубы.

Однако, я рѣшительно предостерегаю отъ такихъ скороспѣлыхъ рѣшеній, такъ какъ духу такъ же нужно

хорошенько созрѣть и поспѣть, какъ и умѣло выдержанному сыру.

Вы видите, что за это время я сталъ большимъ философомъ, и, надѣюсь, повѣрите моей опытности въ загробной жизни, почему и послѣдуете моему совѣту:

Презирайте матерію и налегайте больше на духовную пищу: она здоровѣе, не такъ обременяетъ желудокъ и, главное, дешевле. Такъ, по крайней мѣрѣ, учили философы всѣхъ временъ и народовъ, которые сами не имѣли въ карманѣ обола, скрупула, сентима, пенса, пфенига или копѣйки.

Итакъ, еще разъ прощайте, прощайте всѣ!

Прощайте и вы, незабвенныя сестры мои, вы, память о которыхъ, несмотря на холодъ могилы, до сихъ поръ согрѣваетъ мою душу, вы, волшебныя феи, умѣвшія одухотворить самую обыкновенную матерію.

Бережно, точно нѣжный, ароматный цвѣтокъ, только сейчасъ отколотый отъ вашей гордой груди, унесу я воспоминанія о васъ въ далекіе, безконечные міры.

И, что бы ни ожидало меня тамъ, какія бы измѣненія ни претерпѣлъ мой духъ, сколько бы ни пронеслось вѣковъ — ничто никогда не будетъ въ силахъ изгладить изъ моей памяти вашъ кокетливо-граціозный образъ и умѣрить мой восторгъ передъ вашей божественной красотой.

Прощайте же и пусть эта тетрадь, заключающая мои мысли, частицу моего безсмертнаго я, пусть она будетъ моимъ послѣднимъ вамъ привѣтомъ и вашимъ путеводителемъ по загробной жизни, тѣмъ Бедекеромъ, котораго еще не издалъ ни одинъ ученый или философъ...

....

Ахъ, да, прощайте мои братья.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Для разслѣдованія загадочнаго убійства одного извѣстнаго доктора психіатра, привели въ его квартиру не менѣе извѣстную полицейскую собаку Пика.

Этотъ необыкновенный песъ, по своему обыкновенію, немедленно же принялся за поиски.

Прежде всего онъ побывалъ въ буфетѣ, гдѣ самымъ подробнымъ образомъ познакомился со вкусомъ убитаго, что, конечно, очень важно знать хорошему сыщику. Покончивъ съ послѣдней крошкой, онъ на минуту остановился, какъ бы ища дальнѣйшей пищи — для слѣдствія.

Тогда, догадливый агентъ, все время внимательно слѣдившій за собакой, далъ ей понюхать туфлю убитаго.

Даровитое животное тотчасъ же ринулось впередъ и привело сыщиковъ къ постели смазливой горничной холостяка доктора.

Затѣмъ, потянувъ носомъ и, почуявъ, очевидно, что то недоброе, Пикъ, съ отчаяннымъ лаемъ, бросился вдругъ въ кухню и съ торжествомъ вытянулъ за ногу изъ подъ скамейки, на которой сидѣла ничего не подозрѣвавшая бѣдная кухарка, смущеннаго и сконфуженнаго убійцу.

Впрочемъ его скоро отпустили, такъ какъ онъ неопровержимо доказалъ свое алиби. Оказалось, какъ клятвенно подтвердилъ и брантмейстеръ, что обвиняемый, въ моментъ совершенія преступленія исполнялъ свои прямыя обязанности и стоялъ на каланчѣ дежурнымъ.

Тогда, чтобы навести его опять на вѣрный слѣдъ, ему стали давать нюхать всякую дрянь. Особенно кру-

то пришлось бѣдному псу отъ снадобій доктора. Наконецъ, понюхавъ какой то черный кружечекъ, который, при дальнѣйшемъ разслѣдованіи, оказался бывшей въ употребленіи мушкой, Пикъ потянулъ и черезъ минуту уже, вмѣстѣ съ сыщиками, вылетѣлъ въ окно.

На улицѣ онъ сразу взялъ вѣрное направленіе въ ближайшую булочную.

Получивъ тамъ, отъ хозяина, желавшаго разсѣять всякія подозрѣнія относительно своей причастности къ убійству, вкусный пирожокъ, Пикъ бросился дальше, пока не почувствовалъ вдругъ желаніе немного отдохнуть, почему и улегся мирно подъ первымъ попавшимся заборомъ. Но, увы, агенты грубо нарушили его покой и мученикъ долга долженъ былъ вновь пуститься въ путь.

Эти жестокосердные блюстители порядка не позволили ему также принять участіе въ оживленной свалкѣ, происходившей подъ воротами изъ за граціозной болонки въ богатомъ ошейникѣ съ розовой ленточкой. Такъ, не проявивши передъ ней своей ловкости и храбрости, не успѣвши даже сдѣлать обычнаго собачьяго рыцарскаго жеста, онъ принужденъ былъ, временно на трехъ ногахъ, продолжать путь дальше.

Только разъ, выбѣжавши уже за городъ, удалось ему немного развлечься съ однимъ хвастливымъ индюкомъ, но и тутъ ему помѣшали и бѣднягѣ пришлось удовлетвориться только однимъ хвостомъ.

Наконецъ, побуждаемый измученными сыщиками, Пикъ привелъ ихъ прямо въ домъ для умалишенныхъ и, вбѣжавъ въ одну изъ комнатъ, усталый и запыхавшійся, легъ у ногъ преступника, который что то торопливо писалъ.

Этотъ преступникъ былъ Жоржъ, а писалъ онъ настоящій дневникъ.

По окончанiи процесса, во время котораго Жоржъ разсказывалъ удивительныя и презанимательныя вещи о нравахъ и бытѣ мертвецовъ, и, увлекшись, пытался было пройти, подобно духу, сквозь своего защитника, долго послѣ этого хворавшаго, послѣ этого процесса, кончившагося полнымъ оправданiемъ Жоржа, мы получили, наконецъ, въ свои руки этотъ дневникъ и сочли своимъ долгомъ познакомить съ нимъ все человѣчество, для котораго онъ и предназначался.

КОНЕЦЪ.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Анархія (Распродано).

Земля »

Безъ старшихъ »

Сорока »

Въ притонѣ «Чернаго Дьявола».

Цезарскій Поросенокъ

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Сыщикъ

Свѣтикъ.

Imp. « PASCAL »
13, r. Pascal. Paris.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный магазинъ Е. Сіяльской,

2, RUE PIERRE-LE-GRAND,

PARIS-8ᵉ